

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ
Министерства образования и науки Республики Армения
Армянская Ассоциация “Педагогическая инициатива”
Академия педагогических и социальных наук

Русский язык

В

Армении

2013

6 (83)

Ереван - 2013

Главный редактор – Б.М. Есаджян
Ответственный секретарь – А.М. Амирханян

Ответственный за номер – Г.В. Маркосян

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель общества „Армения-Россия”,
д.ф.н., профессор, М.Д. Амирханян
Вице-президент АПСН С.К. Бондырева
Председатель Ассоциации
“Педагогическая инициатива” В.С. Казарян
Ректор АГПУ им.Х.Абовяна, д. ист. н,
профессор Р.К. Мирзаханян
Академик АПСН, зам.министра МОН РА
М.А. Мкртчян
Доктор философских наук,
профессор Я.И. Хачикян

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.В. Акопян (ЕГУ)
Л.Г. Баласанян (АГПУ им.Х. Абовяна)
Г.Г. Барикян (ЕГЛУ им. В.Я.Брюсова)
И.Б. Геворкян (ср. шк. N 131),
А.Б. Кузьминская (ЕГЛУ им. В. Я. Брюсова),
В.В. Мадоян (ЕУМО им. А. Ширакаци),
Г.В. Маркосян (ЕГЛУ им. В.Я.Брюсова),
С.Б. Самуэлян (ЕГЛУ им. В. Я. Брюсова),
Р.В. Татевосян (АГПУ им.Х. Абовяна)
А.Я. Хачикян (РАУ).

Компьютерный набор, корректура, оформление и печать

А.А. Мирзатунян

Հիմնադիր և հրատարակիչ՝ Կրթության ազգային ինստիտուտ
Հասցե՝ ք. Երևան, Տիգրան Մեծի 67:
Վկայական՝ № 01Ա 044424, տրված 16.02. 1999 թ.:
Տպարանակը՝ 2005: Ծավալը՝ 4 տպ. մամուլ:
Հանձնված է տպագրության՝ 8. 10. 2013 թ.
Գինը՝ 793 դրամ:

Издатель

ЗОО „Национальный институт образования” РА.

Адрес: Ереван, Тигран Меци, 67. Тел: 010 571531, 571116.

[www/http: aniedu.am](http://www.aniedu.am)

E-mail: info@aniedu.am

Свидетельство № 01 А 044424 выдано 16.02.1999 г.

Ответственный за издание журнала

Белла Есаджян

Формат 70X100 ¹/₁₆. Объем 64 стр. Тираж 2005

Сдано в печать 8. 10. 2013 г.

Цена 793 драм.

Общеобразовательным школам предоставляется бесплатно.

Խմբագրության ներկայացված նյութերը գրախոսվում են: Արտատպության դեպքում հղումն ամսագրին պարտադիր է:

Դպրոցների մեկ օրինակ անվճար, որը պետք է պարտադիր գրանցվի դպրոցական գրադարաններում:

Лицензия № 904

МЕТОДИКА

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ, НОВЫЕ МОДЕЛИ

И.Ю. МАНУКЯН

АГПУ им. Х.Абовяна

При недостаточном владении языковыми средствами и фактами культуры изучаемого языка – а в условиях общеобразовательной школы это всегда так – деятельность чтения осуществляется в двух планах:

- декодирование языкового формата текста;
- понимание содержания текста.

При восприятии аутентичного текста и его декодировании, когда национально-культурная среда и читательский опыт далеки от образов текста, возникают искаженные смысловые представления или смысловые “пустоты”, которые в отличие от лакун, заполняющихся ресурсами субъективного жизненного опыта читающего, вообще ничем не заполняются и остаются в сознании учащегося “текстовыми пробелами”. Следовательно, необходимо разработать специальную схему работы над аутентичным иноязычным текстом, которая

способствовала бы формированию у учащегося отношения к тексту как к инструменту познания нового, средству овладения языком и иноязычной культурой в целом. Деятельностная активность возникает лишь тогда, когда задача “принимается” учеником, когда она ему интересна. С этой целью следует придать работе над языком вообще, и над текстом в частности характер поисковой, исследовательской деятельности, в результате которой у ученика разовьется умение видеть за бесстрастным языковым знаком значение и смысл.

Обучение чтению иноязычных аутентичных текстов предполагает правильный выбор стратегии чтения с той целью, чтобы оно было рациональным и результативным. В соответствии с поставленной коммуникативной задачей избирается определенная стратегия чтения, т.е. его вид. Поисковое чтение входит в

целевой аспект обучения чтению в общеобразовательной школе. Стратегия поискового чтения преследует цель найти в письменном тексте интересующую информацию. По мнению психологов, при осуществлении данного вида чтения эмоциональное состояние читающего представляет собой состояние, в котором текст усваивается наилучшим образом.

Обучение поисковому чтению происходит на средних по объему аутентичных текстах с целью извлечения предполагаемой заранее смысловой информации: мыслей или фактов, подтверждающих, опровергающих, поясняющих, разъясняющих какие-либо предметы или явления иноязычной действительности.

К поисковому чтению, как правило, предъявляются три главных требования:

- точное формулирование задания для поиска
- ограниченное во времени проведение поиска нужной информации
- гарантированное нахождение требуемой информации в тексте.

При чтении аутентичного текста учащиеся не понимают значения многих слов, словосочетаний и вынуждены часто обращаться к словарю, что делает

чтение утомительным и неинтересным. Интерес (на эмоциональном уровне – внешне, на нейрофизиологическом – в действительности) появляется тогда, когда читателем оценивается разность между уровнями знаний, имеющихся в памяти и извлеченных из текста. Причем, если уровни (из текста и из памяти) высокие, то разность между ними будет более ощутимой эмоционально, и интерес к прочитанной информации будет большим. Следовательно, для того, чтобы вызвать интерес к текстовой информации, необходимо иметь в активной памяти (в готовом виде на “поверхности” памяти, чтобы не вспоминать долго) вполне конкретную информацию по данной теме для сравнения ее с полученной из текста. Этому должна способствовать организация дотекстового (или предтекстового) этапа работы.

Отсутствие интереса у учащегося к чтению иноязычного текста объясняется тем, что он (текст) является источником сведений о той предметной действительности, с которой реципиент не всегда, а может быть и никогда не вступает в непосредственный контакт. Аутентичные тексты помимо языковых трудностей содержат национально-

специфические понятия (реалии), которые при отсутствии предварительного “распредмечивания” становятся причиной разрывов смысловых связей текста. Если организовать работу по содержательному поиску с элементами исследования текстовых реалий, то можно оптимизировать сам процесс чтения аутентичного текста и повысить тем самым уровень мотивации и интерес учащихся к поисковому чтению. Таким образом, очевидна необходимость организации обучения чтению на проблемной основе. Как было сказано выше, чтение любого иноязычного текста, тем более аутентичного, сопряжено с определенными трудностями. Одной из причин является отсутствие модели обучения чтению аутентичного текста. Мы полагаем, что наибольший эффект способна дать организация работы над чтением аутентичного текста в поисковом режиме на проблемной основе, т.к. у многих учащихся наблюдается неумение выявить и выделить существенную или необходимую информацию, а также неуверенность в ее оценке.

Таким образом, перед нами стоит задача создать у учащихся ориентировочный образ целостной деятельности чтения, опера-

тивные схемы мышления для осуществления конкретных действий. Организация обучения поисковому чтению аутентичных текстов в рамках подобной модели может опираться на следующие положения:

- Обучение поисковому чтению с целью извлечения каждым учащимся полезной для него аутентичной информации.
- В основе обучения – опережающее ознакомление с алгоритмом работы над текстом с целью создания целостного образа деятельности чтения.
- Формирование механизмов действий, составляющих деятельность чтения, с помощью специальной системы упражнений.

Мы убеждены, что такая организация обучения чтению будет активно способствовать формированию у учащихся умений и навыков полноценного чтения аутентичных текстов, которое предусматривает использование определенных сигналов текста для построения гипотез, предположений на различных уровнях. В конечном итоге это должно способствовать верному смысловому ориентированию в аутентичном тексте и успешному поиску необходимой социокультурной информации.

Следует отметить, что на протяжении довольно долгого периода времени отношение к проблемному обучению в методике преподавания иностранного языка было очень осторожным. Это объяснялось объективными трудностями создания проблемных ситуаций средствами иностранного языка при явном дефиците этих средств в арсенале учащихся. Еще более сложным представлялось обсуждение на изучаемом языке проблемных ситуаций. Однако весь смысл метода проблемного обучения заключается в стимулировании поисковой деятельности ученика, а это не только устная речь, но и другая учебная деятельность, в том числе организация работы над чтением.

Проблемное содержание учебного материала обеспечивается аутентичными текстами, содержащими, как правило, незнакомые реалии. Предлагая подобный текст для работы, преподаватель уже ставит ученика перед проблемой понимания содержания и смысла. Осознание известного и неизвестного в тексте, т.е. принятие проблемы, создает состояние озадаченности, психологического дискомфорта, что и побуждает искать выход из создавшегося положения неопреде-

ленности, дефицита информации. Ученик задается вопросом: как верно интерпретировать аутентичную информацию? Это и есть проблемная ситуация, при которой обучающийся не может выполнить известным ему способом поставленного перед ним задания и вынужден находить новый способ его выполнения.

Важным компонентом технологии является проблемное знание. С урока учащийся уходит не только с осознанием того, какую новую информацию открыл для него проработанный им же текст, но и вооружившись алгоритмом работы с подобными текстами. Учащийся ставится в позицию субъекта обучения, и, как результат, он накапливает новые знания и овладевает новыми способами действий. А это стимулирует самостоятельную работу учащихся в данном направлении. Растет внутренняя мотивация.

Как уже было сказано, весь смысл проблемного метода в стимулировании и создании условий для поисковой деятельности обучающихся. Чтобы пробудить мыслительную активность, необходимо представить учащимся текст как систему задач, т.е. проблемных ситуаций. Учащиеся видят задачи и воспринимают

текст как закодированное решение этих задач. Начинается поиск ключа к этому коду. Таким образом, и работа с текстом, и работа со справочными материалами организуется в поисковом режиме. Самое главное – это вызвать положительную реакцию ученика на задание, поскольку это важная предпосылка организации поисковой деятельности учащихся. Если организовать работу по содержанию поиску с элементами исследования текстовых реалий, то можно оптимизировать сам процесс чтения аутентичного текста и повысить тем самым уровень мотивации учащихся к поисковому чтению.

Для организации дотекстовой работы мы предлагаем осуществить: а) выбор аутентичного текста, соответствующего изучаемой теме, уровню обученности учащихся и содержащего необходимые для усвоения социокультурные элементы (реалии); б) подбор информационно-справочного материала для подтверждения или опровержения

гипотез учащихся относительно значений реалий (лингвострановедческий справочник, словарь фразеологизмов и т.п.).

Дотекстовый этап работы необходимо посвятить воспроизведению в памяти учащихся информации, уже имеющейся в их лингвосоциокультурном арсенале, которая связана с содержанием текста и способна сориентировать на дальнейший поиск. Это могут быть различного рода ассоциогаммы, диаграммы и т.п. Первичное прочтение текста должно направить школьников на поиск имеющихся в тексте реалий. Учащимся предлагается выдвигать свои предположения (гипотезы) относительно значений выявленных в тексте реалий, фоновой лексики.

Текстовый этап подразумевает организацию поискового чтения аутентичного текста с целью выявления дополнительной информации, позволяющей уточнить понимание социокультурной модальности исследуемых реалий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьяченко В.К. Организационная структура учебного процесса и ее развитие. М., 1989.
2. Нейфельд М.Н. Пособие по обучению чтению литературы по специальности. М., 2007.
3. Рогова Г.В., Ловцевич Г.Н. Личностное чтение. М., 2002.
4. Сильницкий Г.Г. О некоторых математических методах классификации лексических единиц. Смоленск, 1992.

ЛИНГВИСТИКА

К В А Н Т Р Е Ч И

Б.С. ГУЛАКЯН
РФ, г.Москва

Состояние фонетической науки все более приближает нас к необходимости пересмотра отдельных ее положений в свете данных компаративных исследований и отражения фонетики в зеркале других наук.

Достижение значимых результатов в этой области связано с устранением некоторых несоответствий, укоренившихся в научном обиходе и влияющих на восприятие фонетических (шире – речевых) явлений.

Трудность переоценки этих явлений связана порой с преодолением этических моментов, тормозящих презентацию новых подходов.

Однако молчание не может быть затяжным, идея настоятельно требует представления и обосуждения.

Намеченная цель заставила обратиться к самым авторитетным источникам, содержащим, наряду с незыблемой научной твердью, ставшие привычными, а потому и незаметными необоснованные отступления от строгого подхода.

Выражения несоответствий в аксиоматические дефиниции отражают порой инерционное следование за установленными фактами, порой – стремление к необоснованным обобщениям, а порой – неумение слышать то, что не закреплено письменно.

Обратимся к конкретным примерам. Дефиниция слога в «Словаре лингвистических терминов» А.С.Ахмановой сводится к известным классическим положениям:

Слог – единица сегментации речевого потока, состоящая из слогаобразующего (наиболее звучного) элемента, выступающего в качестве вершины слога (его ядра) и сопутствующих ему менее звучных частей.

Ядро слога – его вокалический центр, по утверждению составителя, обычно «гласный или сонант».

Сонант – согласный или полугласный, способный выступать в качестве слогаобразующего элемента.

Таким образом, «Словарь» утверждает, что свойством слога-

образования обладают, наряду с гласными, и сонанты.

Обратимся к другому авторитетному источнику – пособию А.А. Реформатского «Введение в языковедение». Здесь слогообразующая функция распространяется на более широкий круг, охватывая весь звукоряд: «... не все звуки могут образовать слог... Для этого не годятся в составе слов звуки мгновенные, т.е. взрывные и аффрикаты.

Длительные могут быть слоговыми по степени сонорности, в первую очередь максимально сонорные – гласные, во вторую – сонорные согласные и, наконец, фрикативные, ср. русское перст, где слоговое е, сербское прст, где слоговое р, и французское pst, где слоговое з. В таких языках, как сербский, слоговые согласные – особые единицы (сербск, прст – «палец», срп – «серб» и т.п.)¹.

Распространяя слогообразующую функцию и на фрикативные, А.А. Реформатский представляет ее более расширительно, чем О.С. Ахманова.

Он отказывает в способности быть слогообразующими только «мгновенным звукам» – смычным согласным и аффрикатам. Однако в сноске на той же странице читаем: «Мгновенные могут быть слоговыми в изоли-

рованном (искусственном) употреблении, например, «слоговые [к] и [ц]»².

Таким образом, свойство слогообразования распространяется на все типы звуков – от гласных до «мгновенных».

Помимо внутреннего противоречия, такой подход означает на деле отрицание функции образования слога в принципе, если это присуще всем типам звуков, значит, является неотъемлемым качеством любого звука, так же, как и другие общие фонетические свойства.

Примечательно, что такой подход сосуществует с прямой подсказкой-транскрипцией слов английского языка, представленный в соответствующих лексикографических изданиях: [neɪfən], [nætzrəl], [neizəl], [cændəl].

Примечательно также, что в самой русской фонетической науке сосуществуют прекрасно разработанная теория побочной слоговости (Р.И. Аванесов – «Фонетика современного русского литературного языка») и представление о «слоговых» сонантах, фрикативных и даже взрывных.

Простейший фонетический эксперимент – скандированная артикуляция приведенных сербских примеров показывает место «растяжки» звука без изменения качества его звучания: оно

¹ Реформатский А.А. – Введение в языковедение. М., «Просвещение», 1967, стр. 189.

² Там же

находится после начального согласного перед последующей консонантной группой: [vəl̩n], [kər̩k], [sər̩p].

Но... нет буквы, нет и восприятия звука, вернее, представления о нем. Однако, как этот звук ни мал, он не равен нулю, а значит – игнорировать его недопустимо.

В противовес существующему неадекватному представлению о структуре слога со «слоγοобразующей» сонорной вершиной уместно обращение к словам крупнейшего специалиста по слогофонемным языкам В.М. Солнцева: «... в любом языке артикуляция согласного, если он не сопровождается конкретным гласным, сопровождается гласным призвуком нейтрального характера.

В изолирующих языках место этого призвука занимает конкретный гласный... Вне слогов звуки ни в одном языке не могут функционировать в речевой цепи. Это, как известно, эмпирически установленный факт, а отдельные согласные, как уже было сказано, при изолированном употреблении имеют гласный призвук. Известный шуточный пример [str̩č pr̩st skr̩z kr̩k] – «проткнуть пальцем горло» только на письме лишен гласных».³

Два взгляда на одинаковые объекты, один из которых, представляя слогофонемное мышление, абсолютно адекватен и исключает все противоречия и принципиального, и практического характера. Слоγοобразующая функция гласного является его определяющей характеристикой и не терпит никаких параллелей в виде мнимой слогообразовательной способности у других членов звукоряда.

В то же время между выполняющими функцию слогообразования гласными звуками полного образования и редуцированным гласным звуком существуют определенные отличия, которые целесообразно рассмотреть и в фонетическом, и в более широком – фонологическом плане.

Специфика редуцированного «более краткого, чем нормально краткий того же языка» («Словарь лингвистических терминов»), а также его функционирование могут служить основанием для сравнения его с наименьшими физическими величинами и вторжения, тем самым, в область фонетического микромира. Это дает возможность упорядочения наших представлений о фонетическом мире в его макро- и микроипостасях.

Редуцированный гласный – наименьшая по темпоральным характеристикам слоговая вершина.

³ Солнцев В.М. – Введение в теорию изолирующих языков. М., «Восточная литература», 1993, стр. 34, 45.

В дефинициях этого гласного как бы предощущается образ фонетического микромира, в котором совершается речедействие, меньше которого не бывает (артикуляция слога с единственным элементом – редуцированной гласной), совершаемое единицей, меньше которой не бывает (редуцированный гласный).

Известно, что в определении состава национальных алфавитов действует стихийно ощущаемый неспециалистами-информантами принцип функциональной значимости звуков, соответствующих буквам алфавитов.

Редуцированный гласный (призвук), являясь фонетическим средством артикуляции согласного, превращающий согласный или его сочетание в слог, слаб не только по своим акустическим и артикуляционным свойствам. Он используется как фонетический дополнительный, участвующий в естественной сегментации речевого потока, но фонологически он не валентен и в фонологические оппозиции не входит.

С трудностью определения фонетических слогов, образуемых с помощью редуцированного, связана расшифровка многих текстов на неизвестных языках, представленных лексическими единицами со скоплением непроносимых групп согласных. И если фонологический слог определяется по фиксируемой на

письме его гласной вершине, поиски фонетического слога требуют непростого анализа внутри фонологического слога и с простой, и со сложной орфографической структурой: лба – фонологически односложная, фонетически двусложная структура [эл-ба], рубль – фонологически односложная, фонетически двусложная структура [ру - бэль], социализм – фонологически четырехсложная, фонетически пятисложная структура [со -ци -а-ли-зэм], грузинские mgela – фонологически двусложная, фонетически трехсложная структура [эм- ge -la], mšvidoba – фонологически трехсложная, фонетически четырехсложная структура [мэš-vi-do -ba], Mçceta – фонологически двусложная, фонетически трехсложная структура [мэç - che - ta], Mtaçminda – фонологически трехсложная, фонетически четырехсложная структура [мэ- таç -min -da], польское Zbigneŭ – фонологически двусложная, фонетически трехсложная структура [эз -big -nev], чешское Trnka – фонологически односложная, фонетически трехсложная структура [тэ -гэн -ka] и, конечно, часто упоминаемый армянский пример Мкртчян – фонологически односложная, фонетически трехсложная структура [мэ - кəрт -čyan].

Словари армянских слов представляют экзотические для многих языков слоговые структу-

ры с многочисленными консонантными группами (до восьми инициалей), единственным средством артикуляции которых являются редуцированные гласные: t' rchkt'rchkaçnel – звукоподражательный глагол – фонологически двусложная, фонетически шестисложная структура [t'ə-rəehx-t'ə-rəch-kac-nel].

Фиксация редуцированного гласного как средства производства речи имеет свою историю. Помимо установления явлений побочной слоговости, появляющейся в случае нарушения восходящей (в начале слова) и нисходящей (в его конце) звучности, помимо свидетельства В.М. Солнцева – лингвиста со слогофонемным мышлением, и поэтому четко слышавшего призвуки, формирующие речь в неслогофонемных языках, существуют тончайшие наблюдения Л.В.Бондарко. Ее фонетические эксперименты не ограничиваются рамками звучащей речи, а выходят на фонологический уровень: “У конечных согласных появляется как бы элемент гласного..., которого нет в фонологической системе языка”⁴ и дальше: “Согласные, находящиеся в абсолютном конце слова, только условно можно считать элементами закрытого слога

... в абсолютном конце слова может образоваться дополнительный “паразитический слог”.⁵

Все эти свидетельства заставляют сосредоточиваться на роли редуцированного гласного, правила функционирования в речи которого специфичны и подчиняются иной фонетической “механике”, чем функционирование гласных полного образования.

Появление этого фонетического средства организации плавности речи может быть разноместным, не отражаясь на значении слова. Разные словари английских слов порой по-разному отмечают место его появления в одной и той же лексической единице: nation – [neɪfɪn] и [neɪfən], national – [næfɪnl] и [næ-fə-nəl].

Разговорный вариант артикуляции, например, имени известного литературного персонажа использует редуцированный гласный для более удобной артикуляции сложного для русского произношения слова: вместо ортодоксального [carl -son] – вариант [car - lə -son].

Такой свободой “передвижения” не обладают гласные полного образования, положение которых в слове определяет его семантику горб – гроб, трос – торс, но – он, корт – крот, жри – жир, челн – член, про – пор и т.д.

⁴ Бондарко Л.В. – Звуковой строй русского языка. М., “Просвещение”, 1977, стр. 126.

⁵ Там же, стр. 125.

Наблюдения над особенностями функционирования в речи редуцированной гласной удобно проводить на материале армянского языка, имеющего в составе своего алфавита букву, соответствующую редуцированному гласному. Его функции не ограничиваются звучащей речью, он имеет и орфографическую специфику.

Буква, соответствующая этому звуку, появляется при переносе слов, постоянным же местом его звучания является позиция между начальным и последующим согласным или консонантной группой: [bə-ɣavel], [mæt-rak], [chərt-vilak].

Физические характеристики редуцированной гласной и особенности ее речевого функционирования представляют речевую единицу, отличную от других гласных. Она появляется как средство обеспечения плавности речи: [və lk], [metər], [nei-fən] и т.д.

Это – реальная произносительная единица. Здесь налицо фонетико-физические аналогии слияния частицы (вещества) и волны.

Фонетика имеет возможность установления безусловных аналогий с особенностями функционирования единиц, меньше которых не бывает, в других областях (физика, химия, биология).

Мы имеем возможность, право и даже обязанность гово-

рить о кванте речи, единице, меньше которой нет, совпадающей в определенных условиях (предельное сжатие слога до его ядра за счет факультативных составляющих – согласных) с действием, меньше которого нет. Изложенное опирается на логику, действующую в пределах науки. Оно соответствует современному прагматическому отношению к результату научного исследования: “сегодня наука – завтра техника”. Оно совпадает с актуальной многие годы тенденцией добиваться создания совершенных возможностей записи речи, ценных не только для чисто физиологических целей, но и для расшифровки разных типов записи письменных и устных текстов.

“Звуковые характеристики русской речи исследуют не только лингвисты. Физиологи создали одну из наиболее совершенных установок по изучению артикуляционных движений, разрабатывают сложную и эффективную методику исследования восприятия речи человеком”.⁶

Проблема не стареет, она направлена на речевую палеонтологию и на будущее человеческой речи. Учет в синтезировании речи человека всего, что соответствует ее производству, настоятельно требует повышенного внимания

⁶ Бондарко Л.В. – Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977, стр. 16.

не только к коммуникативно значимым представителям макросистемы языка, но и к мельчайшим его единицам, не равным нулю и обеспечивающим эту коммуникацию на основе дополнительного соединения с элементами макросистемы.

Поиски кванта речи относятся к попыткам установить сходство стержня атома речи с планетарным атомом.

Имеет ли фонетическая наука возможность проведения такого сопоставления, достаточно ли разработан ее аппарат, чтобы ценой проб и неизбежных, но непринципиальных заблуждений установить аналогии на основе взаимосвязи наук? Наша попытка не представляется преждевременной. Оттяжка означала бы на деле затянувшееся равнодушие к некоторым реалиям и нежелание понять очевидное. Удовлетвориться несоответствием в определении ядра речевого атома – слога, в разнице механизмов, управляющих макросистемами и микросистемами речи, означало бы на деле вывод речи из ряда общих явлений физического мира.

Аналогии «атом речи – планетарный атом» прозрачны, их установление, не являясь самоцелью, диктуется логикой изучения речевых единиц.

Речь обладает частицами, формирующими вещество – единицы речи, вместе с тем, она обладает средством организации этих единиц (частиц), делающих речь плавной, произносимой и воспринимаемой, подобно квантам, производящим не вещество, а излучение.

Мы используем результаты исследований физической науки, находя в них аналогии с речью, порождаемой человеком. Возможно, на этом пути допускаются неточности, несоответствия. Неизбежность этого не должна удерживать от представления того, что очевидно, что помогает объяснить и привести в соответствие с логикой науки игнорируемые (сознательно или бессознательно) факты и восстановить производство нашей речи в правах в общей системе наук о природе вещей.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТЕРЕОТИПНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ И ТРУДНОСТЬ ИХ ВОСПРИЯТИЯ ИНОФОНАМИ

Л.Б. МАТЕВОСЯН

ЕГУ

В условиях массовой коммуникации выявление и описание повторяющихся жизненных (бытовых и эмоциональных), а следовательно, речевых ситуаций (ибо каждая жизненная ситуация сопровождается речевым оформлением) важно и целесообразно, так как наличие перечня/ списка коммуникативных единиц, обслуживающих данные ситуации, поможет преподавателю-практику при обучении любому языку как иностранному.

Сравним, например, выражения приветствия в русском, армянском, английском и японском языках. В первых трех языках обнаруживается полное соответствие: приветствие охватывает широкую ситуацию (русск. *Здравствуй(-те), Привет*; арм. [՝] ³ *հի՛ն՝ Օ՛հ* [barev (dzez)], ^{ա՞} ^ճ *հի՛ն՝ Վոհի՛վին* [vokht'uin]; англ. *How do you do? Hello*) и временную ситуацию (русск. *Доброе утро, Добрый день, Добрый вечер*; арм. [՝] ³ *հի՛ն՝ Է՛ստի՛ն* [bari luis], [՝] ³ *հի՛ն՝ Օ՛ր* [bari or], [՝] ³ *հի՛ն՝ Շ՛վի՛ն* [bari gisher]; англ. *Good morning,*

Good day, Good evening). Японские приветствия, по наблюдениям А.А. Акишиной и К.Камогавы [см.: 1974:9-24], отличаются большей ситуативной дробностью: они связаны с ситуациями местоположения собеседников – особые приветствия при входе в помещение, при выходе из помещения и т.п.

В русском, армянском, английском языках приветствия дифференцируются по стилям – официальный, нейтральный, дружеский. В японском языке – по степени вежливости (начиная с дружеских, фамильярных и кончая почтительными).

У каждого народа в силу национальных и культурных особенностей свое видение, своя модель мира, которая, в свою очередь, имеет «свой языковой каркас» [Василевич 1993:163]. «Так, например, у кавказских народов, – пишет Р.Б. Сабаткоев, – существуют строго регламентированные формы обращения, приветствия, прощания, выражения сочувствия и т.д., служа-

щие для выражения доброжелательства, уважения и сочувствия к человеку. Некоторые из них в определенной мере отличаются от соответствующих речевых формул русского языка» [1999: 472]. «В корейском языке, – отмечает Н.Б. Мечковская, – категория вежливости насчитывает семь ступеней:

1) почтительная, 2) уважительная, 3) форма вежливости, характерная для женской речи, 4) уctивая, 5) интимная, 6) фамильярная, 7) покровительственная. Для каждой формы вежливости характерен свой набор грамматических, словообразовательных, лексических показателей. Существуют также грамматические и лексические синонимы, основное различие между которыми состоит в том, что они сигнализируют разную степень вежливости» [Мечковская 2000:60-61].

Эти два "лингвокультурных типа"⁷ – в духе терминологии Б.Уорфа [см.: 1960а, 1960б] – можно назвать европейским и

восточным стандартом. «Язык не только продукт общества, но средство формирования его мышления и ментальности», – утверждают Э.Сепир и Б.Уорф [Митрофанова 1999:345]. «Если воздействие культуры на язык вполне очевидно и разнообразно, то вопрос об обратном воздействии – языка на культуру – остается открытым» [Мечковская 2000:61].

Современная лингвистика при решении этой проблемы старается уйти от одностороннего детерминизма к взаимному и пытается найти корреляции между структурами языка и культуры.

«При определении стереотипа обычно подчеркивают его ярко выраженную оценочность и эмоциональность» [Пищальникова, Сорокин 1993:96]. Эмоциональность – это свободное изъясление чувств. «Экспрессивность – общепризнанная особенность русской культуры коммуникации» [Козлова 1999:232]. По наблюдениям Анны Вежицкой, для русской речи характерен высокий эмоциональный накал и богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков [см.: Вежицкая 1997:33-34]. Согласно проведенным в Гарварде исследова-

⁷Понятие, предложенное Б.М.Гаспаровым [см.:1977]: Б.М.Гаспаров выделяет западноевропейский и восточноевропейский стандарт.

В памяти же всплывают строки из Р.Кипплинга: *«Запад есть Запад – Восток есть Восток, И вместе им не сойтись»*.

ниям русского национального характера, русские являются людьми «экспрессивными и эмоционально живыми», их отличает «общая экспансивность», «легкость в выражении чувств», «импульсивность» [см.: Вауег, Inkeles, Kluckhohn 1956:41]. На это обратил внимание и китайский ученый Ли Инаннь. По его мнению, в русском национальном характере «... бросаются в глаза иррационализм, повышенная эмоциональность, аффективность и полярность <...>. Специфику русского характера составляет сочетание, казалось бы, несовместимых качеств, проявляющихся в яркой, аффективной форме, с резкими, непредсказуемыми сменами эмоций и настроения» [Инаннь 1999:153]. Ж.Дюрен считает эмоции физиологическими реакциями, возникающими в обычных жизненных ситуациях и вызывающими «... у человека или просто крик, или высказывание в виде то одного слова, то нескольких слов» [2002:278]. Китайский ученый Бао Хун пишет, что экспрессивность, находясь в тесном взаимодействии с эмоциональностью, модальностью и оценкой, «...непосредственно отражает особенность мышления и речи, отражает характер дейст-

вительности. Экспрессивные средства оказываются гораздо ближе к изображаемому событиям, чем неэкспрессивные» [2002:274].

Для выражения эмоционального состояния говорящего, а также для выражения отношения говорящего к содержанию высказывания (одобрения, упрека, насмешки и т.п.) используется интонация (это – проявление эмоционально-экспрессивной функции интонации). Интонационное выражение эмоциональных значений и их связь со смыслом логически вытекает из гипотезы Н.М.Амосова о наличии в мозгу двух программ, по которым осуществляется переработка любой информации, – интеллектуальной и эмоциональной; в процессе мышления эти программы постоянно взаимодействуют [см.: Амосов 1964; Черемисина 1982]. При этом «... интонация, – утверждает Ж.Дюрен, – обычно важнее, чем сегментный, лексико-грамматический строй высказывания». Однако «...сегментная часть подобных высказываний (больше всего из-за распространения письменных видов текстов), – продолжает Ж.Дюрен, – стала более или менее автономной по отношению к супraseгментной.

Стоит писателю написать фразу **Этого не хватало!!!** или **Ну и дурак!!!**, и читатель сразу "услышит" характерную интонацию огорчения и возмущения» [2002:278]. Пользуясь терминологией концепции коммуникативной грамматики Г.А.Золотовой, подобные единицы в рамках реактивной функции [см.: Золотова, Онипенко, Сидорова 2003: 398] Ж.Дюрен называет *реактивными фразами*, или *реактивами* [2002:278].

Среди стереотипных высказываний обширный и употребительный класс составляют единицы, которые не структурируются, так как не имеют лексических вариантов. Это так называемые междометные высказывания: **Эх! Ух ты! Ни-ни-ни!** и др. [см.: Блохина 1990].

Русская разговорная речь пестрит многозначными высказываниями. Многозначность высказывания, как правило, развивается на базе эмоционального переосмысления высказывания говорящим, что возможно, по образному выражению А.Н. Леонтьева, из-за «двойной жизни значений» [Леонтьев 1972:136]: с одной стороны, значения входят в социальную память общества, с другой стороны, являются неотъемлемой частью внут-

реннего мира отдельного человека [см.: Леонтьев 1976:49]. В процессе восприятия такие значения (которые имплицитно содержатся в высказывании) дифференцируются благодаря различиям в ситуациях и с помощью интонации.

Так, русское стереотипное высказывание **Не до тебя (вас)** указывает прежде всего на занятость. Его значение может быть интерпретировано двумя, по крайней мере, способами: 1) '*Я сейчас очень занят*', 2) '*У меня сейчас тяжело на душе*', с общей частью: '*... и поэтому я не могу уделить тебе внимания (поговорить с тобой, заняться твоим делом и т.д.)*'.

В определенной конситуации **Не до тебя (вас)** может выражать "недовольство":

[Виктор:] **Уйди, Афоня, не до тебя...** (А.Арбузов, Иркутская история.)

Или **Подумаешь** в первую очередь выражает '*отношение к чему-то как не заслуживающему, с точки зрения говорящего, серьезного внимания*'. Ср.:

– *У него травма!* – **Подумаешь, небольшой ушиб.**

– *Мне часы подарили!* – **Подумаешь, часы! А у меня магнитофон есть.**

Подумаешь! выражает также "несогласие с мнением собеседника". В определенной конституции может выражать "недовольство". Ср.:

[Виктор:] *Старик, опять звонила Ирина Сергеевна. Просила передать, что она ждет твоего звонка.* [Туманский:] *Хорошо. А? Ирина Сергеевна? (Резко.) Не лезь не в свое дело!* [Виктор:] **Подумаешь!** *То сам просил, а то – "не лезь".* (А.Афиногенов, Машенька.)

Имплицитные значения легко воспринимаются носителями языка. Иностранцам же такие значения часто представляются непонятными, неожиданными, поэтому этот аспект должен занять определенное место в обучении иностранцев живой русской речи.

Такие стереотипные высказывания, как *Здравствуй; Здравствуйте, я ваша тетя; Очень нужны они мне! Хрен я ей верну*, в повседневной речи русских употребляются как в буквальном, так и в "переносном" значениях (*Здравствуйте* – как "приветствие" и как "удивление"; *Здравствуйте, я ваша тетя* – в буквальном смысле и как "удивление-возражение"; *Очень нужны они мне!* – как "необходимость" и наоборот;

Хрен я вам верну – в прямом значении – ИК-1 и в значении "ничего не верну" – ИК-3).

Омонимия данных высказываний – это результат их эмоционального переосмысления говорящим. Задача языковедов-практиков – уделить серьезное внимание описанию омонимичных высказываний при обучении, в данном случае, русскому языку как иностранному, ибо они нередко затрудняют процесс общения и в ряде случаев даже представляют опасность: возникает возможность неверного осмысления реплики.

Неправильное понимание подобных стереотипных высказываний иностранцем/инофоном (если исключить фактор "интонационной глухоты" инофона) свидетельствует об отсутствии у него знаний о существовании в русском языке их переносного употребления, то есть аккумулятивная функция языка, или функция накопления общественного опыта и знаний, низведена до нуля. Другая причина – отсутствие данных значений в родном языке: например, ни во французском, ни в английском языках названные высказывания в указанных значениях не употребляются, даже как окказиональные. Более того, англичанам

не свойственно "отдаваться" чувствам. По замечанию Анны Вежбицкой, англо-саксонская культура – культура, которая на эмоциональное поведение смотрит без особого одобрения, с подозрением и смущением [см.: Вежбицкая 1997:41], «... поэтому, – пишет она, – сравнивая английский язык с русским, особенно интересно отметить, что именно русский (...) выступает как язык, уделяющий эмоциям гораздо большее внимание и имеющий значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения» [Вежбицкая 1997: 44].

Умение чувствовать и распознавать эмоционально-экспрессивные оттенки значений высказывания, выбирать нужную реплику в той или иной ситуации, находить правильную интонацию облегчает общение, взаимопонимание, ибо реплика задает тон, определяет тональность диалога, от правильного выбора зависит судьба диалога. Дж.О'Коннор и Дж.Сеймор в книге "Введение в нейролингвистическое программирование" пишут: «Различие создается не тем, что мы говорим, а тем, как мы это говорим. Маргарет Тэтчер затратила уйму времени и усилий на то, чтобы изменить

свой голос. Тон голоса и язык телодвижений определяют, будет ли слово "привет" звучать как простое приветствие, как угроза, как подавление или как очаровательное восклицание.

Каждый из нас выражает множество оттенков смысла в ежедневных разговорах и, вероятно, имеет дюжину различных способов сказать "нет", только мы *не думаем об этом сознательно*»⁸ [О'Коннор, Сеймор 1998:34-35; курсив наш – Л.М.].

Описание эмоциональных состояний и языковых средств, обслуживающих определенные "сценарии", представляется интересным, так как позволит и носителю языка интерпретировать чувства и моделировать свои эмоции и отношения с другими людьми.

Представляется интересным также рассмотрение и трактовка знака через его включенность в деятельностные и поведенческие структуры [см.: работы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, а также: Клаус 1967; Morris 1946]: а) осознанное действие, б) осознан-

⁸ правильно: *только мы не осознаем этого.* – Л.М.

ный контроль и в) автоматизированная деятельность.

Теория "культурно обусловленных сценариев" появилась лишь недавно и недостаточно известна. Сущность данной теории заключается в выявлении и описании негласных правил, помогающих быть "личностью среди других личностей". Правила подобного рода являются для той или иной культуры специфическими. Они учат, «... как думать, как чувствовать, как *хотеть* и как действовать согласно своему *хотению*,⁹ как добывать или передавать знания и, что важнее всего, как говорить с другими людьми» [Вежбицкая 1997:393; курсив наш – Л.М.]. Так, англо-американская культура поощряет отзываться с похвалой о других людях, дабы поднять их в собственных глазах. В японской же культуре, наоборот, похвала в лицо не поощряется, однако вызывает одобрение говорить о себе "плохо" [см.: Вежбицкая 1997:397-398]. В армянской культуре, по нашим наблюдениям, поощряется похвала в лицо, даже чрезмерная, других людей, однако говорить о себе "хоошо" может вызвать неодобрение, порой упрек.

⁹ Правильно: *желать* и *желанию*. – Л.М.

Таким образом, «... характеристика лингвокультурного содержания языка на основе одного лишь объективно обусловленного семантического содержания предложения не сулит успеха так же, как и его определение на основе внутрисистемных, синтаксических отношений или же на основе лишь активности субъекта» [Шаклеин 1999:507]. При выявлении природы лингвокультурного содержания предложения различие "язык – речь" оказывается недостаточным – на него наслаивается дифференциация проявлений культуры, системы не менее сложной, чем язык.

Выявление универсальных эмоций и описание связанных с ними слов и выражений, на наш взгляд, бесценный ключ к пониманию культур и социумов.

Стереотипные высказывания, как и всякий стандарт, менее информативны, чем предложения нестереотипные. Это обусловлено тем, что первые часто повторяются в речи. Однако этот факт не уменьшает значимость их изучения, ибо стереотипные высказывания – это результат действия (проявления) такой функции языка, как функция овладения общественно-историческим опытом человечества.

ва (термин А.А.Леонтьева), или аккумулятивная функция – функция накопления общественного опыта и знаний (термин В.А.Аврорина) [о "функциях языка" см.: Шмелев 1977:10-11]. Иностранцы же расшифровать эмоционально обусловленные значения стереотипных высказываний без фоновых знаний, которыми обладают россияне, не могут [см.: Хамзина 2002:52]. Обладая смысловой самостоятельностью, эти высказывания не могут быть правильно истолкованы вне соотнесения с фактами культуры, что подтверждает мысль, высказанную В.Н.Телия: «...*"чужая культура – это идиома"*, поскольку ее содержание не мотивировано для непосвященного в нее, а потому не прозрачно для него и *не оторефлектировано*» [1996:226; курсив наш – Л.М.].

Стереотипный пласт, являющийся структурной основой

языкового сознания и имеющий рефлекторную природу, значит-ся в лингвокультурном сознании носителей языка. В сознании же инофонов оно не оторефлектировано. Эту задачу, на наш взгляд, должна решать коммуникативная, а вернее, коммуникативно-когнитивная лингвистика.

Мы соглашаемся также с Г.В.Колшанским, который более четверти века назад в книге "Контекстная семантика" писал: «Результаты коммуникации, а именно достижение абсолютной однозначности в говорении и понимании, есть <...> итог взаимодействия лингвистических (интра- и экстрафакторов) и паралингвистических факторов» [1980:75-76].

Многопластовость лингвокультурного сознания языковой личности графически может быть представлена так:

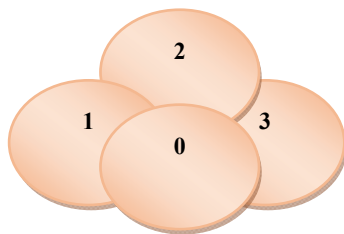

Рис. Структура лингвокультурного сознания языковой личности

0 стереотипный пласт

1 информационный пласт

2 метафорический пласт

3 мифопоэтический пласт в индивидуальном обучении и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Акишина А.А., Камогава К.** Сравнительный анализ русского и японского речевого этикета // Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1974.
2. **Амосов Н.М., Головань Э.Т., Заславский С.Я., Иванов-Муромский К.А., Старинец В.С.** Об одном подходе к моделированию психических функций // Кибернетика и техника вычислений. - Киев: Наукова думка, 1964.
3. **Блохина И.А.** Типологические свойства и коммуникативные смыслы междометных высказываний: Дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1990.
4. **Брызгунова Е.А.** Звуки и интонации русской речи. - 5-е изд. - М.: Русский язык, 1983.
5. **Василевич А.П.** Описание фигуры человека в лексике семи языков: универсалии и различия // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. - М.: Ин-т языкознания РАН, 1993.
6. **Вежбицкая А.** Язык. Культура. Познание. - М.: Русские словари, 1997.
7. **Выготский Л.С.** Мышление и речь: Психика, сознание, подсознательное. - М.: Лабиринт, 2001.
8. **Гаспаров Б.М.** Введение в социограмматику // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 425. Труды по русской и славянской филологии. Серия лингвистическая. - Т. 29 // Проблемы языковой системы и ее функционирования. - Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1977.
9. **Дюрен Ж.** О стереолингвистике // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. - М.: Эдиториал УРСС, 2002.
10. **Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.** Коммуникативная грамматика русского языка. - Изд. 2-е. - М.: Институт русского языка РАН, Филологический фак-т МГУ, 2003.
11. **Золотова Г.А.** Теоретические ресурсы грамматической науки // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ, 18 - 21 марта 2004 г.): Труды и материалы. - М.: Изд-во Московского ун-та, 2004.
12. **Инаннь Ли.** О русском национальном характере и его связи с русской историей и культурой // Русский язык, литература и культура на рубеже веков: IX Международный конгресс МАПРЯЛ: Тезисы докладов и сообщений. - Ч. 2. - Братислава, 1999.
13. **Кершан Б., Новембер А., Стоун Дж.** Основы компьютерной грамотности. - 2-е изд., стер. - М.: ММПШ, 1995.
14. **Клаус Г.** Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка / Пер. с немец. Н.Г. Комлева. - М.: Прогресс, 1967.
15. **Козлова Т.В.** Язык и власть: метафоризация идеологии // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: Доклады и сообщения российских ученых. - М., 1999.
16. **Колшанский Г.В.** Контекстная семантика. - М.: Наука, 1980.
17. **Леонтьев А.А.** Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976.
18. **Леонтьев А.А.** Основы психолингвистики. - М.: Смысл, 1999а.
19. **Леонтьев А.А.** Психология общения. - 3-е изд. - М.: Смысл, 1999б.
20. **Леонтьев А.А.** Деятельный ум (Деятельность. Знак. Личность). - М.: Смысл, 2001.

21. **Леонтьев А.Н.** Деятельность и сознание // Вопросы философии. - 1972. - № 12.
22. **Леонтьев А.Н.** Деятельность. Сознание. Личность. - М., 1977.
23. **Мечковская Н.Б.** Социальная лингвистика. - М.: Аспект Пресс, 2000.
24. **Митрофанова О.Д.** Лингводидактические уроки и прогнозы конца XX века // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: Доклады и сообщения российских ученых. - М., 1999.
25. **О'Коннор Дж., Сеймор Дж.** Введение в нейролингвистическое программирование: Как понимать людей и как оказывать влияние на людей. - Челябинск: Библиотека А.Миллера, 1998.
26. **Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А.** Введение в психопэтику. - Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1993.
27. **Сабаткоев Р.Б.** Речевой этикет как важное средство воспитания культуры общения // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: Доклады и сообщения российских ученых. - М., 1999.
28. **Сепир Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии. - М.: Прогресс, 1993.
29. **Телия В.Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Школа: Языки русской культуры, 1996.
30. **Уорф Б.Л.** Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. - Вып. 1. - М.: Прогресс, 1960а.
31. **Уорф Б.Л.** Наука и языкознание (о двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Новое в лингвистике. - Вып. 1. - М.: Прогресс, 1960б.
32. **Уфимцева Н.В.** Человек и его сознание: проблема формирования // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. - М.: Ин-т языкознания РАН, 1993.
33. **Хамзина Г.К.** Некодифицированные русские высказывания-номинативы как объект изучения в иностранной аудитории // Слово. Грамматика. Речь: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. - Вып. 4. - М.: Изд-во МГУ, 2002.
34. **Хун Б.** Экспрессивный синтаксис с точки зрения коммуникативной грамматики // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. - М.: Эдиториал УРСС, 2002.
35. **Черемисина Н.В.** Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. - М.: Русский язык, 1982.
36. **Шаклеин В.М.** Лингвокультурное содержание слова и предложения // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: Доклады и сообщения российских ученых. - М., 1999.
37. **Шмелев Д.Н.** Русский язык в его функциональных разновидностях. - М.: Наука, 1977.
38. **Bauer R., Inkeles A., Kluckhohn C.** How the Soviet System Works. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956.
39. **Morris Ch.W.** Sings, Language and Behavior. - New York: Printice-Hall, 1946.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ИРОНИЯ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРОВОКАЦИЯ

А.В. КУЗНЕЦОВА
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ

Каждая историческая эпоха определяет тот культурный код, который задаёт координаты восприятия реальности и концепцию мира в целом. Для социокультурного процесса XX – XXI вв. оппозиция бытия и сознания фактически теряет смысл, что детерминирует формирование представления о первичности текста и актуализирует проблему поиска границ между текстом и реальностью. Безусловно, постмодернизм предлагает наиболее радикальный метод решения этой проблемы: всё, что мы считаем реальностью, на самом деле является текстом, а сам текст представляет собой несомненную реальность, что создаёт для гуманитарных наук широкие исследовательские перспективы. Сформулированная постструктурализмом концепция «смерти автора» (Р. Барт, М. Фуко) приводит, в конечном счете, к осмыслению мира как текста и текста как реальности.

Взаимоотношения автора и текста, представленные многообразием жанров, изобразительно-выразительных средств и других важных компонентов художественного текста, обуславливают возникновение новых направлений в сфере его изучения, а гуманитарная парадигма XX – XXI вв. в целом характеризуется существенным интересом к когнитивному и прагматическому потенциалу текста. Реальность не мыслится вне языка (текста): необходимость рецептивной компетенции и оперирования точной и определенной конкретной сферой информацией в этой связи очевидна. Ввиду фиксирования рецептивной способности индивидуума только на необходимой ему части информационного потока, именно текст становится основой методологии мировосприятия, а культурные коды и культурные компетенции выступают в качестве регулятивных механизмов, осу-

ществляющих отбор воспринимаемых фактов.

Двойственность сущности художественного текста – моделирующая и знаковая – определяется особой природой искусства как информативно-когнитивной системы. Искусство предстает как средство передачи информации в аспекте «художественный текст и адресат», тогда как в проблемной сфере «художественный текст и реальность» искусство является средством познания жизни [Лотман 1964: 39]. Двойная сущность художественного произведения влечет за собой и двойное формообразование в виде объективного и субъективного стилей, стиля предмета и стиля писателя, представленных в художественном тексте как целое. Описанные в художественном тексте средствами языка идеи, события, характеры, факты могут быть восприняты и интерпретированы только через язык [Виноградов 1959: 6. Также: Виноградов 1963: 1971].

Практически все аспекты картины мира могут быть соотносены с понятием нормы. Нормы, стандартизированные с помощью санкций, касаются действий или вещей, тесно связанных с деятельностью человека. Именно ненормативность обнаруживает норму

и правило в естественном мире природы и языка: «сквозное действие отклонений от нормы <...> берет своё начало в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации, проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве. Речь идёт о едином цикле взаимосвязанных явлений, относящихся к разным сферам жизнедеятельности человека: перцепции, коммуникации, семантике, литературе» [Арутюнова 1999: 80]. Архаическое мышление ориентировано на норму и на позитивность, аномальное и негативное не входит в коллективную память. В нарративном мышлении, напротив, имеет место направленность на аномалию, на эксцесс. То, что нормально и позитивно, и так все знают, поэтому об этом нечего и рассказывать. Многие фольклорные и литературные жанры складываются как выбор определенной сферы отступлений от жизненного стандарта: сказка, героические и эпические поэмы, рыцарский роман, приключенческая литература, детектив, плутовской роман, фантастика, готический роман и его современные варианты, жанр ЖЗЛ, историчес-

кий роман, гротеск, триллер и др. Причина обращения литературы к аномальному и исключительному заключается не только в стремлении удивить и завоевать читателя, но и в том, что аномальное явление воспринимается как знак скрытого смысла.

В противоположность архаическому мифу, который не знает противопоставления реальности тексту, литература XX – XXI вв. обыгрывает отношения энтропии между ними на различных уровнях. Таким образом, оппозиция «текст – реальность» сменяется иерархией текстов в тексте, что может быть квалифицировано как гиперриторическое построение, ориентированное на «основной текст», некий инвариант, задающий направление развития интертекстуальности, некоего «перехода» в другие тексты, выполняет задачу описания одной реальности или создания другой реальности, т.е. другого текста. Таким образом, бесконечное множество реальностей, репрезентированных текстами, создает семантическое пространство постмодернистских текстов как некую «первородную материю», на ней строится гипертекст – постмодернистская вселенная. Всё современное искусство и литература стремится к осознанию границы между тек-

стом и реальностью, причем акценты в данной антиномии зависят от философских и культурных установок личности. Коммуникативная стратегия таких текстов обеспечивается различными операциями, призванными убедить читателя в существовании множественности миров, обосновать игру вымысла и реальности, стирающую границы между ними. Приоритетное значение в этом смысле имеют языковая игра и ирония, непротиворечиво детерминирующие когнитивную деятельность продуцента и реципиента художественного текста.

Вводя понятие языковой игры, Л. Витгенштейн называет её формой жизни, т.к. вся жизнь человека в культурном пространстве – совокупность языковых игр, что обусловлено постоянным развитием процесса семиотизации и мифологизации реальности. Возросший интерес к феномену языковой игры [Гадамер 1988, 1991; Руднев 2000; Санников 1999] не случаен. Для современной лингвистической парадигмы актуален вопрос о речетворчестве как соотношении языкового стереотипа (стандарта, нормы) и заданных системным механизмом возможностей отклонения от этого стереотипа в речевой деятельности, в том числе при созна-

тельном переходе говорящего на позиции «человека играющего» (по терминологии Й. Хейзинги). Языковая игра представляет собой такой вид речевого поведения, который основан на преднамеренном нарушении языкового канона и обнаруживающий творческий потенциал личности в реализации системно заданных возможностей. Эффект языковой игры возникает в результате наложения (взаимопересечения) реализованной и нереализованной тенденций использования и / или конструирования знака. Столкновение этих разнонаправленных тенденций создает ассоциативный контекст восприятия соответствующей единицы речи, которая всегда осознается на фоне породившего ее языкового «прототипа».

Языковая игра – это своеобразное развлечение словом. В художественном тексте такой прием предполагает постижение имплицитного смысла, содержащегося в предложении и несущего сведения «от автора». Эффект языковой игры проявляется в самой необычной форме представления высказывания. При этом вид речевого сообщения может даже восприниматься как отклонение от общепринятой нормы словоупотребления. Ю.М. Лотман отмечает, что понять идеи автора,

выраженные в литературном произведении, «можно только в отношении ко всей системе и совокупности его идей, т.е. к его мировоззрению как идеологической структуре» [Лотман 1997: 212].

Особенности языковой игры воплощаются в рамках иронической парадигмы, и, следовательно, мы имеем здесь дело с иронией как интеллектуальной провокацией. Так, смена художественных стилей и направлений всегда порождает увеличение пародий, что приводит к намеренному снижению образа предыдущей культурной эпохи. Комическое подражание создает основу для формулирования новых творческих принципов. Однако уже в рамках эпохи романтизма сущностно необходимым становится не только пародирование сложившейся литературной традиции, но и ироническое осмысление бытия как такового. Бытие предстает как некий артефакт, не вполне соответствующий идеалу, не во всем удовлетворяющий требованиями к шедевр. Ирония как форма редуцированного смеха постепенно осознается как универсальный принцип мышления и творчества, поэтому «романтическая ирония» последовательно отменяет ограничения в творчестве и выступает как выражение сути бытия.

Именно ирония позволяет человеку обрести утраченную универсальность, путем снятия условных разграничений критического и поэтического, древнего и современного возвращая её бытию. Топос иронии, в свою очередь, становится тексто- и стилеобразующим принципом в сфере эстетической практики конкретного продуцента художественного текста, вовлекая, тем самым, и потенциального реципиента в постижение «развертывания» семантического текстового пространства в координатах иронического и игрового сценария.

Социокультурный процесс XX – XXI вв. обозначает новые эстетические доминанты, что детерминирует определяющую роль иронии: «Иронию можно рассматривать в качестве одной из фундаментальных особенностей художественного языка XX века, т.к. иронический принцип, понятый как принцип дистанцирования от непосредственно высказанного, принцип неуверенности в возможности прямого высказывания является конститутивной чертой мышления XX века» [Золотарева 2003: 355].

Приобретая значимый лингвокогнитивный потенциал, ироническое высказывание оказывается важным в условиях пробле-

матичности внутренней убежденности, аутентичности высказывания. Ирония становится тем средством, с помощью которого подвергаются деструкции идеологические мифы ввиду аннигиляции воздействия стереотипов. Как основной вид комического, ирония взаимодействует с другими формами этой эстетической категории – гротеском, парадоксом, пародией, остроумием, юмором, насмешкой, а её реализация зачастую невозможна вне этих форм, которые обладают по отношению к иронии облигаторным характером; при этом ирония всегда обладает гораздо большим импликационалом, нежели другие формы комического, ввиду того, что критика объекта в ней содержится в подтексте, локализуясь не только в рамках микро-, но и макроконтраста. Очевидно, что в случае успешности иронического акта реципиент опознает отрицательную оценку объекта иронии, его качеств, действий в процессе интеллектуальной провокации, инспирированным иронией как таковой. Экспликация превосходства субъекта иронии над предметом изображения является следствием дистанцирования от него. Интеллектуальный характер иронии проявляется также в том, что эмоции, которые она вызы-

вает, не столь негативны, как прямая номинация, характеризующаяся отрицательной оценкой. Как ситуативная имплицатура, иронический смысл представляет собой прагматический результат, к которому приходит реципиент, привлекая к интерпретации иронического акта прецедентные смыслы. Поскольку ирония в большинстве случаев не очевидна, мы имеем дело с прагматическим феноменом, обладающим высокой степенью оценочности, всегда имплицитной.

Как подчеркивает Е.В. Овсянникова, интенциональное имплицирование всегда эксплицирует ментально-языковую игру Говорящего с обязательным вовлечением в эту игру реципиента [См.: Овсянникова 1993: 11 – 12]. Общение на уровне имплицатур представляет собой «престижный» вид вербальной коммуникации. Продуцент всегда транслирует информационный поток, характеризующийся лакунарностью, что стимулирует интеллектуальную деятельность реципиента, при этом очевидно, что предполагается наличие определенного когнитивного потенциала реципиента.

Фактически превращая нечто непереносимое, враждебное или тревожное для субъекта в

противоположное, ирония реализует, тем самым, языковую игру, а также фиксирует игру действий, обозначаемых этими словами [См.: Философские идеи 1996]. Коммуникативные стратегии и прагматические тактики отражают определенный способ восприятия реальности, что формирует стереотипы реагирования на происходящее и адекватную им модель поведения. Дискурс иронии, вербально артикулирующий содержание современного сознания, социального и индивидуального, фактически порожден спецификой повседневных коммуникаций. Доминирование иронии в современном современном социокультурном пространстве формирует модель коммуникации в контексте гипертрофированного нарратива юмора. Дискурс иронии и самоиронии становится культурно нормированной доминантой на основе объективированного выражения сознания в контексте проговаривания и говорения [См.: Постмодернизм 2001] в тексте и дискурсе; аксиология высказывания, манифестированная продуцентом дискурса, определяется культурным опытом и культурными кодами Говорящего. Полисемантическая ироническая дискурса определяется двунаправленно: с одной стороны, ирония

представляет собой некую профанацию реальности, высмеивая факты, действия, лиц и их поступки, при этом она основывается на сомнении в её истинности или предполагает неистинность изображаемой реальности; с другой - предстает как «проба» этой реальности на прочность, оставляющая надежду на ее возможность или – при уверенности в обратном – основанная на сожалении об отсутствии таковой – например, «горькая ирония». Функциональное значение иронии определяется её гипертрофированностью в современном культурном сознании: ирония позволяет фиксировать самооправдание, возвеличивание, преуменьшение, позволяет пренебрегать чем-либо, скрывать истинные значения действительного, высмеивать недостатки, принижая значимость субъекта или объекта в некоторых требуемых контекстах, а также использовать иронию как защитный механизм личности.

Преднамеренность автора в рамках определенного стилистического и когнитивного эффекта фиксируется смысловой неоднозначностью текста с иронической интенциональностью.

Ирония предстает как форма оценочного, критического, эмоционального освоения действи-

тельности в художественном тексте, тем самым обнаруживая определенные корреляции с творческой позицией самого автора, его мировоззрением.

Множественность реальностей социокультурного контекста, детерминированная иронией, составляют сущность постмодерна, причем ирония реализуется в координатах «здесь и сейчас», что детерминирует дискурсивную ситуативность и включение в семантическое пространство самого адресата. Зависимость от субъекта или объекта преодолевается посредством иронии. Необходимость реализации дискурса иронии через специфические коммуникативные практики вызвана самой социокультурной реальностью современности: ирония выступает как форма эскапизма, ухода от зависимости, как реализация свободы от долженствования, «навязанного» человечеству, от тревог и страхов, от того, что в целом стремится к нахождению в поле постоянного контроля индивида и социума.

Ироническое постмодернистское мирозерцание, в определенной степени ориентированное на интеллектуальность и позиционирующее себя как элитарное, ставит в центр художественной практики пастиш (от итал.

pasticcio – стилизованная опера-попурри, опера, составленная из отрывков других опер, смесь), который осознан современной культурой не только как литературный жанр, но и как философское понятие, метод соотнесения между собой текстов, жанров и стилей. Таким образом, именно пастиш констатирует интертекстуальность современной культуры, с одной стороны, её синкретизм – с другой. Пастиш как результат эволюции пародии в условиях постмодернизма приобретает совершенно иную семантическую наполненность: пародия в традиционной литературе предполагает наличие идеала, «высокого стиля», что в современной культуре оказывается под вопросом. Но идеал, несомненно, должен существовать, поэтому пастиш в современной культуре – квинтэссенция не пародии, а автопародии. Сочетая в одном текстовом пространстве два или более фрагмента, различные содержательно и стилистически, автор создает «квази-пародийный эффект», при помощи которого каждый фрагмент «преодолевают иронически» другие, будучи преодолеваемым каждым из них. Именно благодаря этому пастиш создает координаты семантического пространства тотальной автопародии. В

постмодернистском семантическом пространстве возникает множество идиостилей, поэтому сама «норма» письма становится невозможной, приобретая форму идиолекта. Пастиш занимает место пародии, однако он принципиально отличается от нее, не обладая ни энергией отрицания, ни пафосом утверждения: это нейтральная практика подражания без сатирического начала, лишенная уверенности в том, что наряду с аномальным языком всё еще существует некая «здоровая лингвистическая норма».

Изучение иронии как системного фактора, организующего текст, провоцирующего интеллект реципиента, неотделимо от выявления импликационала художественного текста. Квалифицирование информации как эксплицитной или имплицитной восходит к концепции Ф. де Соссюра о двойственности языкового знака. Каждая языковая единица имеет план выражения (определенную материальную форму) и план содержания – означающее и означаемое, а язык закрепляет за определенным означающим определенное означаемое. Имплицитная информация фиксируется тогда, когда выявляется несоответствие означающего означаемому (написанному, услышанному, сказанно-

му/понятому, подразумеваемому). В ироническом высказывании одновременно содержится две противоположные оценки: позитивная и негативная, причем одна из них выражена эксплицитно, другая – имплицитно. Ирония тем сильнее, чем глубже противоречие между высказанным и подразумеваемым. Комплексный характер имплицитной информации, выраженной в тексте, обуславливает апеллирование к подтексту. Подтекст обретает «наращение смысла» в процессе взаимодействия семантики слов и других единиц текста и репрезентирован обычно на уровне сверхфразовых единств. Подтекст не всегда адекватно и полностью может быть воспринят адресатом ввиду константного имплицитного характера. Рецепция имплицитной информации, в том числе раскрытие иронического подтекста, осуществляется при реализации определяющей роли контекста, который становится необходимым минимальным маркером, семантического пространства того или иного имплицитного элемента текста. Тесное взаимодействие горизонтального контекста (лингвистическое окружение определенной языковой единицы, которое определяет особенности употребления данного элемента в

речи) и вертикального контекста (историко-филологическое окружение данного литературного произведения) детерминируют полноценное восприятие информации. При выделении языковой и дискурсивной иронии особую роль играет категория контекста. Минимальный контекст либо его полное отсутствие при учете современного состояния языка характерны для языковой иронии, которая реализуется в условиях закрепления иронической семантики в общем значении слова и фиксации её словарями. Дискурсивная ирония может быть манифестирована лишь тогда, когда адресат полностью «погружен» в определенный контекст: её маркером является содержание высказывания в его соотнесении с действительностью. Индивидуально-авторская ирония представляет собой частный случай дискурсивной иронии, выполняя эстетическую функцию и осуществляя, в частности, структурирование топосов художественного текста. Широта контекста, необходимого для декодирования иронии, обуславливает её многоуровневый характер.

Как дискурсивная форма репрезентации иронии, иронический акт представляет собой процесс языкового выражения иро-

нической позиции иронизирующим и ее восприятия интерпретирующим. На наш взгляд, по отношению к художественному тексту ирония должна рассматриваться, прежде всего, как элемент мировоззрения автора. Исходным пунктом для формирования топоса иронии становится именно языковая /литературная личность: автор определяет ее сущность, интенцию, этос, логос и пафос текста. Категория образа автора даёт возможность адекватного анализа иронии, что усиливает научную доказательность и корректность такого ракурса исследования.

Импликационал художественного текста как система скрытых смыслов, в отличие от языковой импликации, характеризуется концептуальной и функциональной целостностью в координатах семантического текстового пространства. Научный инструмента-

рий анализа разноуровневых единиц, организующих импликационал, должен опираться на комплекс лингвистических и экстралингвистических знаний, иерархическая структура которых соотносима с различными содержательными регистрами текстового импликационала. Особую роль приобретает здесь и обращение к логическим категориям.

Позиционирование иронии в художественном тексте как интеллектуальной провокации обусловлено игровой природой самого текста и художественного творчества в целом. Сложность феномена иронии влечет за собой множественность его трактовки, однако в целом она представляет собой самостоятельный вид авторской субъективности, отражающий специфику мировоззрения продуцента художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. [Текст] / Н.Д. Арутюнова. М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы [Текст] / В.В. Виноградов. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
3. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика [Текст] / В.В. Виноградов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 256 с.
4. Виноградов В.В. О теории художественной речи [Текст] / В.В. Виноградов. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.

5. **Гадамер Г.Г.** Актуальность прекрасного [Текст] / Г.-Г. Гадамер. М.: Искусство, 1991. 368 с.
6. **Гадамер Г.Г.** Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. [Текст] / Г.Г. Гадамер. Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
7. **Золотарева С.А.** Ирония как деструкция знака [Текст] / С.А. Золотарева // Русский язык и активные процессы в современной речи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., Ставрополь, 2003. С. 355 – 358.
8. **Лотман Ю.М.** Лекции по структуральной поэтике [Текст] / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам. Вып. 1. Тарту, 1964. 194 с.
9. **Лотман Ю.М.** Семиотика культуры и понятие текста [Текст] / Ю.М. Лотман // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 202 – 212.
10. **Овсянникова Е.В.** Основные функции имплицитных смыслов в высказываниях и текстах (на материале англоязычной прозы). Дис. ... канд.филол.н. [Текст] / Е.В. Овсянникова. СПб., 1993. 170 с.
11. Постмодернизм: Энциклопедия [Текст] / Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1040 с.
12. **Руднев В.** Прочь от реальности. Исследования по философии текста [Текст] / В. Руднев. М.: Аграф, 2000. 432 с.
13. **Санников В.З.** Русский язык в зеркале языковой игры [Текст] / В.З. Санников. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.

ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА И ИМПЕРАТОР ЮСТИНИАН В «ВОЙНЕ И МИРЕ» Л.Н. ТОЛСТОГО

Е.Ю. ПОЛТАВЕЦ

Московский городской педагогический университет

- Разве можно это сравнивать? – сказал Пьер.
Л.Н. Толстой, «Война и мир».

В «Войне и мире» Л.Н.Толстого упоминается такое количество исторических деятелей, какого, наверное, нет ни в одном другом произведении русской классики XIX века. Почти все эти имена нашли свое место в реальном комментарии к тексту, однако это, как правило, скудные исторические справки. Необходимость развернутого комментария, который бы носил не просто исторический и реальный, а в полном смысле слова герменевтический характер, назрела давно. Мы видим два побуждающих к такому комментированию фактора.

Во-первых, это необходимость в полной мере учитывать, что любой антропоним в художественном произведении является литературным антропонимом. Сошлемся на исследование Н.В. Васильевой, на примере «Войны и мира» Л.Н.Толстого показавшей недопустимость противопоставления «реальных имен» типа *Кутузов* и *Наполеон* вымышленным

(созданным) типа *Пьер Безухов* и *Наташа Ростова*. «Конечно же, правы те, кто и *Наполеона* считает литературным антропонимом, - пишет Васильева. - ...Каким бы реалистическим ни был писатель, он конструирует вымышленный, возможный мир. Поэтому без теории фикциональности в литературной ономастике второго тысячелетия, по-видимому, не обойтись» [1: 135-136]. Васильева опирается на мнение В.Шмида, который замечает о персонажах типа *Наполеона* в «Войне и мире»: «Уже тот факт, что эти квазиисторические фигуры живут в том же мире, что и явно вымышленные, превращает первых в фиктивные персонажи. Того *Наполеона* и того *Кутузова*, которые могли бы встретиться с *Наташей Ростовою* и *Пьером Безуховым*, в реальном мире не существовало... Фиктивным является и *пространство* романа... Ту *Москву*, например, в которой живут герои романа «Война и мир»,

то Бородино, под которым погибает Андрей Болконский, нельзя найти ни на какой исторической карте России» [3: 37-38]. Из этого вытекает, что комментарий к антропониму или топониму *художественного* произведения не может быть только реальным, не может быть статьей в энциклопедическом словаре. Комментируя «квазиисторический», по выражению Шмида, ономастический пласт произведения, мы должны обязательно охарактеризовать роль этой ономастики в создании «иллюзии реальности».

Во-вторых, ономастика художественного произведения должна комментироваться с учетом и других художественных задач. Пусть автором выбрано имя, известное в истории, но в пределах художественного произведения оно подчиняется художественным законам, что означает правомерность рассмотрения всей полноты семантики этого имени, всех его контекстов, включая возможный реминисцентный фон и звуковой символизм. Это закономерно, если, как говорит В. Шмид, «фиктивные миры предполагают онтологическую гомогенность» [3: 38].

В «Войне и мире» довольно заметную роль Толстой отводит образу Сперанского, и эта роль

нашла интересные комментарии в литературе о Толстом, вплоть до анализа толстовского неприятия любого умозрительного, рационалистического подхода к роевой, стихийной живой жизни. Андрей Болконский, воплощение этой живой жизни у Толстого, от *надежд* на возможность изменить жизнь России, связанных со Сперанским (сама фамилия Сперанского отсылает к латинскому «*spero*» - «ожидаю», «надеюсь»), приходит к осознанию тщеты всякого рода реформ и преобразований, выработанных в кабинетах чиновников. Эпизоды со Сперанским подсвечены не только пафосом «дней Александровых прекрасного начала» (в котором предстоит разочароваться князю Андрею), но и римскими государственными добродетелями. Сперанский не только «льстил князю Андрею» [2: 5,176], но и уверял его, что таким людям, как Болконский, «грех не служить теперь» [2: 5,178], т.е. склонял на свою сторону под предлогом того, что должно служить отечеству. На той же странице в параллель римским доблестям упоминаются «сенат», «законы», «гражданское уложение», «права лиц», французский «*Code Napoléon*» и два латинских выражения: «*circulus viciosus*» и <кодекс> «*Justiniani*».

Обычно комментарии к этой странице «Войны и мира» (например, комментарий Н.М. Фортунатова в издании 1980 года) сообщают: «Наполеоновский кодекс – гражданский кодекс Франции, выработанный при участии Наполеона... Кодекс Юстиниана – свод императорских указов, изданных по приказу императора Юстиниана в 529 г.» [2: 5, 417]. Иногда следует указание на то, что кодекс Юстиниана служил образцом для наполеоновского.

Можно расширить этот комментарий, рассмотрев антропоним «Justinianus» как необходимую деталь в свете отмеченного нами латинско-римского контекста эпизода. Есть и другие причины обратить внимание на толстовскую отсылку к Юстиниану. По-видимому, упоминание, что князь Андрей переводил кодекс византийского императора, может нести гораздо бóльшую смысловую нагрузку, чем только свидетельствовать о том, что Болконский опирался на основной свод законов, сотни лет служивший образцом для законодателей Европы (понятно, что и в России той эпохи никакое составление законов без учета кодекса Юстиниана обойтись не могло). Толстой мог упомянуть о Юстиниане ради исторической достоверности, но

мы-то знаем, что, во-первых, сама по себе она не была предметом первостепенной заботы автора «Войны и мира» (особенно там, где речь идет об Андрее Болконском), и, во-вторых, эта деталь «не работает» в качестве средства характеристики каких-нибудь юридических или политических взглядов князя Андрея, потому что, повторяем, иного выбора законодательских образцов для России той эпохи не существовало.

История создания «Войны и мира» отсылает к прекрасно изученному биографическому контексту, и эпизод сотрудничества князя Андрея со Сперанским, конечно, не исключение. Напомним биографический контекст упоминания о кодексе Юстиниана. Толстой еще студентом юридического факультета Казанского университета прилежно изучает «Институции» – первую часть Юстинианова свода законов – и упражняется в латинском языке. В автобиографических записях Толстого содержится множество упоминаний о работе над переводами и изучением свода. 7 апреля 1847 года он, например, записывает в дневнике план для себя: «... Прочесть как с пользой для языка, так и для Римского права, первую часть институций» [2: 21, 12]. В «Журнале ежеднев-

ных занятий», который завел себе девятнадцатилетний Толстой, множество записей: «Институции», «Римское право», «Латинский язык». В первой половине 1847 года он очень много времени отводит этим занятиям. Но это не значит, что лишь воспоминания об этих занятиях побудили автора «Войны и мира» показать своего героя в работе над сводами законов.

Соперничество князя Андрея с императорами (Юстинианом и Наполеоном) в законотворческой деятельности и разочарование Болконского в этой деятельности как таковой показаны Толстым в качестве еще одного примера противопоставления князя Андрея Наполеону. Противопоставление это проходит через всю книгу (называть «Войну и мир» ни романом, ни романом-эпопеей мы не рискуем, воспользуемся выражением самого Толстого: «книга») и является не менее (а может быть, и более) важным в произведении Толстого, чем оппозиция «Наполеон – Кутузов».

Но если у Толстого Болконский в эпизоде Аустерлица встречается с Наполеоном и разочаровывается в нем, а позже отвергает и всякую государственную деятельность, власть, мнимое величие (которые для Наполеона составляют смысл жизни), то с

Юстинианом Болконский сопоставляется автором на другой основе. С Юстинианом, в отличие от Наполеона, Сперанского, Кутузова, Александра, австрийского императора Франца и других исторических лиц, Болконский, понятное дело, не встречается, и это, казалось бы, дает основания ограничиться в комментировании только исторической справкой. Невозможно причислить антропоним «Justinianus» к тому же ряду литературных антропонимов, что и «Сперанский», «Кутузов», «Александр». Император Восточной Римской империи как персонаж не существует в том пространстве произведения, в котором сосуществуют Сперанский, Кутузов и Андрей Болконский. Но... «*nomen est omen*» (имя – уже знамение), что известно из произведений Плавта. А так как это универсальный закон поэтики, то и расшифровка этого знамения – тоже дело комментатора. Что же «знаменует» для героя Толстого «встреча» с Юстинианом?

Как ни странно, в судьбе самого Юстиниана I (482 или 483 - 565 гг.), весьма причудливой даже для византийского императора, можно усмотреть некоторые переключки с сюжетной линией Андрея Болконского. И это не только участие в войнах, увлечен-

ное руководство комиссией по составлению законов или благотворительные начинания: Юстиниан строил как храмы, так и больницы. (Болконский тоже проводил реформы в своих имениях, заботился о распространении грамотности и медицинской помощи, после чего и пришел к выводу о необходимости принять участие в реформах всероссийского, так сказать, масштаба.)

Женат византийский император был на циркачке-танцовщице Феодоре, до замужества уже успевшей сбежать из столицы с богатым покровителем в Африку, снискать славу блудницы, а затем вернуться в Константинополь, покаяться и создать себе ореол благочестивой страдальницы, зарабатывающей на жизнь рукоделием. Юстиниан, тогда еще наследник византийского престола, увидел как-то раз в окне бедного домика (так гласит предание) пикантную блудницу-скромницу, влюбился чуть ли не с первого взгляда и предложил бывшей циркачке руку и сердце, что повергло в шок его дядю, правящего императора Юстина, который потребовал, чтобы свадьба была отложена. (Размышляя над кодексом Юстиниана, Болконский еще не знает, что женитьбу на Наташе придется отложить по

настоянию отца). Чувства влюбленных выдержали испытание временем, и Феодора стала, наконец, супругой Юстиниана, а в 527 году – императрицей, причем начало императорской юридической активности было положено специальным указом (!) о том, что падшие женщины при условии их покаяния могут выходить замуж за вельмож и даже царственных особ. К чести Феодоры-императрицы надо сказать, что она всегда старалась способствовать разработке законов, облегчающих положение женщин, и отличалась веротерпимостью, хотя некоторые современники, например хронист и памфлетист Прокопий, изображают ее в своих сочинениях чуть ли не исчадием ада. Однако церковь канонизировала Феодору в лике благоверной.

После несостоявшегося бегства Наташи с Анатолем Пьер напоминает князю Андрею его суждение, что падшую женщину надо простить, однако ни герои, ни автор не сообщают о том, что же послужило поводом к этому суждению. Может быть, друзья когда-то говорили о несчастном браке Пьера, а может быть, и обсуждали диковинность византийских императорских указов как раз в то время, когда князь Андрей «озабоченно переводил на русский

язык статьи римского и французского свода» [2: 5, 219].

- Послушайте, помните вы наш спор в Петербурге, - сказал Пьер, - помните о...

- Помню, - поспешно отвечал князь Андрей, - я говорил, что падшую женщину надо простить, но я не говорил, что я могу простить. Я не могу.

- Разве можно это сравнивать?... - сказал Пьер [2: 5, 384].

«Спор», о котором напоминает Пьер князю Андрею, происходил в Петербурге, что тоже можно рассматривать как намек на пору петербургской работы князя Андрея над составлением законов, т.е. на переключку с историей Феодоры и Юстиниана. Разговору Пьера и князя Андрея о падшей женщине и измене Наташи предшествует очень интересный по обрисовке позиции князя Андрея спор с одним из гостей старого князя о Сперанском. Когда Пьер приезжает к своему другу, в кабинете Болконского «речь шла о Сперанском, известие о внезапной ссылке и мнимой измене которого только что дошло до Москвы» [2: 5, 382]. Князь Андрей с негодованием отвергает подозрения об измене Сперанского и говорит: «Я лично не люблю и не любил Сперанского, но я люблю справедливость» [2: 5,

383]. Справедливость, к которой апеллирует Болконский, тоже вписывается в Юстинианов контекст спора, не только потому, что работа со Сперанским была связана для князя Андрея с переводом «статей римского свода», но и потому, что латинская «*justitia*» («справедливость», «право», «свод законов») и имя «*Justinianus*» этимологически объединены.

«Пьер узнавал теперь в своем друге слишком знакомую ему потребность волноваться и говорить о деле для себя чуждом только для того, чтобы заглушить слишком тяжелые душевные мысли» [2: 5, 383]. Новость о мнимой измене Сперанского служит тем контекстом, в котором Пьер и князь Андрей обсуждают другую новость, перевернувшую жизнь князя Андрея. Это измена Наташи, и измена не мнимая. Несмотря на то, что бегство Наташи с Анатолом не состоялось, отказ невесты есть отказ. «Надо простить», - говорил князь Андрей в *споре* о падшей женщине. Если друзья *спорили*, то какова же была позиция Пьера? Наверное, Пьер говорил, что нельзя простить? После свидания с другом Пьер едет к Наташе и не то чтобы прощает ее (Наташа ведь не Пьеру изменила), а сознает, что полюбил ее, причем именно в тот

момент, когда, казалось бы, можно было думать о ней, как о «падшей». Так что в тот же день новость, перевернувшая жизнь князя Андрея, изменяет и всю внутреннюю жизнь Пьера.

Никакие мозаики, хроники, памфлеты и прочие артефакты никогда не откроют нам, была ли легкомысленная танцовщица-куртизанка Феодора ловкой интриганкой, сумевшей обольстить самого наследника престола, или искренне покаявшейся Магдалиной. Может быть, она и сама не знала этого. Наташа Ростова у Толстого проходит путь от легкомысленной любительницы петь и плясать, чуть было не упавшей в объятия светского развратника, готового закутать ее в салоп, только что снятый с одной из своих певичек-любовниц, до преданной жены и матери. «Разве можно это сравнивать?» - пожал бы плечами Пьер. Толстой и не сравнивает, но знаменитому толстовскому «лабиринту сцеплений» не противопоставлен никакой бриколаж. И почему-то Толстой счел нужным внести в повествование о работе Андрея Болконского над составлением законов это, казалось бы, малозначащее упоминание о кодексе Юстиниана. Да еще и второй раз упомянул о «римском своде» и о том, что изучение

этих законов представилось князю Андрею «праздным» (а это уже в главе, рассказывающей о настроении Болконского после возобновленного на бале знакомства с Наташей, так что любовная линия толстовских героев «зачем-то» соприкоснулась с совершенно, вроде бы, посторонней деталью).

Покаявшаяся и получившая прощение князя Андрея Наташа «выучилась вязать», потому что князь Андрей сказал ей, что «никто так не умеет ходить за больными, как старые няни, которые вяжут чулки, и что в вязании чулка есть что-то успокоительное» [2: 7, 68]. В таком случае есть все основания предположить, что изобретенный Феодорой в VI веке ритуал покаяния и успокоения (в виде занятий рукоделием) оказался весьма действенным. Кстати, по преданию Юстиниан впервые увидел Феодору, когда она занималась рукоделием, сидя у окна. У Толстого окна (не одно, а два) разделяют Наташу и князя Андрея в Отрадном, хотя Наташа не вяжет и не вышивает, а любит, как и князь Андрей, весенней ночью.

В заключение отметим, что бродячий сюжет типа «Сотер и Порна», возможно, структурировал в качестве универсальной мо-

дели и предания о таких событиях, как почти невероятное сближение императорского наследника Юстиниана с Феодорой, баядерой в полном смысле слова. Позднейшие хроники и предания о событиях, отчасти напомнивших эту модель, устремляются в русло такого сюжета вполне естественно, как поток воды устремляется весной по прошлогоднему следу. Баллада Гёте «Бог и баядера», например, - одна из бесчисленных реализаций этого сюжета в мировой литературе и, конечно, помещает первоначальный импульс сюжета в Индию (подзаголовок ее – «Индийская легенда»). Кстати, перевод этой баллады Гёте, сделанный А.К. Толстым, был опубликован в «Русском вестнике» в сентябре 1867 года (под заглавием «Магадева и баядера»), т.е. в период работы Толстого над «Войной и миром», да еще в журнале, в котором в 1865 и 1866 годах печатался толстовский «Тысяча восемьсот пятый год». Осень 1867 года – период напряженной работы Толстого над окончательной отделкой глав,

посвященных тому, что Толстой называл «узлом всего романа», т.е. истории увлечения Наташи Анатодем и ее разрыву с Болконским [2: 18, 669]. Неизвестно, какое вообще впечатление производила упомянутая баллада Гёте на Толстого, неизвестно и то, заинтересовал ли Толстого новый перевод баллады в «Русском вестнике», сделанный его родственником. Можно только утверждать, что какой-то архетипический отсвет универсальной модели ложится в «Войне и мире» и на сюжетную линию Андрей Болконский – Наташа Ростова. Не случайно ведь предсмертное свидание героя Толстого с его обретенной любовью состоялось на фоне пожара Москвы. Но и Москва «Войны и мира» - это не просто исторический, а литературный топоним, означающий: «сгоревший и воскресший город».

Разве можно это сравнивать? Сравнить все здание с одним камнем фундамента никто и не собирается. Но и без камня, особенно краеугольного, здание не устоит.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Васильева Н.В.** Собственное имя в мире текста. – М.: Академия гуманитарных исследований, 2005.
2. **Толстой Л.Н.** Собр. соч.: в 22 тт. – М.: Художественная литература, 1978-1985. В тексте статьи в квадратных скобках указываются через запятую том и страница.
3. **Шмид В.** Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2008.

ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

АРМЯНЕ-ГЕРОИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Р. М. ДАНИЕЛЯН
Шк. N1 им. М. Маштоца
г. Масис, Араратская область, РА

В прошлом году исполнилось 200 лет со дня Бородинской битвы. Бородино – символ величия и национальной гордости. В этой войне проявился весь героизм русской армии, русского солдата. Но в то же время рядом с русским народом воевали и солдаты армянской национальности. В эти годы выдвинулась целая плеяда блестящих офицеров-армян, многие из которых в разные годы жили в Петербурге. Среди них – герои Отечественной войны 1812 года генерал В. Бебутов и генерал-лейтенант В. Г. Мадатов, генерал-майор И. Абамелек, генерал-майор, командир лейб-гвардии гусарского полка Д. Абамелек; первый историк Отечественной войны 1812 г. генерал-лейтенант Д. Ашхарумов, генерал-майор Д. Делянов. Целыми семьями уходили на войну армянские дворяне. В войне приняли участие сразу три члена семьи Абамелек, отличившиеся мужеством и храбростью в военных сражениях, за подвиги которых были награждены золотыми саблями за храбрость и орденами Св. Анны 2-ой и 3-ей степени. Наиболее видным государственным деятелем армянского происхождения был Михаил Лорис-Меликов. Генерал, герой русско-турецкой войны, он получил титул графа за взятие Карса и заслужил репутацию талантливого и энергичного полководца.

Сегодня мы будем говорить о существенном вкладе армян в войне 1812 г. Напомню, что в этот период Восточная Армения, за исключением некоторых земель, не входила в состав России, тем не менее армянство (Ново-Нахичевань, Кизляр, Чалтырь, Астрахань и др.) записывалось в ополчение,

собирало средства. Представители княжеских родов (Лазаревы, Абамелики, Айрапетовы и др.) покрыли себя воинской славой, многие дослужились до генеральского звания. Так, Артемий Лазарев участвовал в 42 сражениях и героически погиб под Лейпцигом.

С начала вторжения французской армии на территорию Российской империи в июне 1812 года русские войска постоянно отступали. Быстрое продвижение и подавляющее численное превосходство французов лишали возможности главнокомандующего русской армией генерала Барклая – де-Толли подготовить войска к сражению.

Затянувшееся отступление вызвало общественное недовольство, поэтому Александр I сместил Барклая-де-Толли и назначил главнокомандующим генерала Кутузова. Но и новый главнокомандующий избрал путь отступления. Стратегия, выбранная Кутузовым, была основана, с одной стороны, на изнурении противника, с другой – на ожидании подкреплений, достаточных для решающего сражения с армией Наполеона.

Главкомандующий русской армией Михаил Кутузов решил преградить Наполеону путь на Москву и дать генеральное сражение французам у села Бородино, расположенного в 125 километрах от Москвы. Откладывать дальше это сражение было невозможно, так как император Александр I требовал от Кутузова остановить продвижение императора Наполеона к Москве. Если говорить о качестве двух армий, то надо отметить, что французская армия имела превосходство, так как ее пехота состояла в основном из опытных солдат, тогда как у русских было много новобранцев. Кроме того преимущество французам давало значительное превосходство в тяжелой кавалерии. Надо сказать, что 600-тысячная армия императора Наполеона вторглась в пределы России. Замысел Кутузова заключался в том, чтобы активной обороной нанести французским войскам как можно большие потери, изменить соотношение сил, сохранить русские войска для дальнейших сражений и для полного разгрома французской армии.

7 сентября начался стремительный разгром русской армией французских войск, что превратилось в кровопролитное фронтальное сражение. Наполеон так отзывался о сражении: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой... Из 50 сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано (французами) наиболее доблести и одержан наименьший успех».

В этой схватке против России было выдвинуто французами 135 тыс. регулярных войск, 587 орудий; русские против французов – 113 тыс. регулярных войск, 624 орудия. В ходе Бородинского сражения армия Наполеона потеряла более 50 тыс. человек (по французским данным около 30 тыс.), русская армия – более 44 тыс. человек. Бородинская битва стала самой кровопролитной в военной истории того времени. Как отметил Кутузов: «Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно. Желание всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю».

У Наполеона к этому времени была уже неограниченная власть над Европой. Он уже не нуждался в поддержке России. Он говорил: «Через пять лет я буду властелином мира. Остается одна Россия, но я раздавлю ее».

Но раздавить Россию оказалось не так-то легко. В этой беспощадной войне плечом к плечу с русскими бились и сыны армянского народа. Особо хочется отметить генерала Мадатова. В числе первых, кто начал давать отпор французам, был подполковник князь Мадатов. Еще за 4 года до Отечественной войны говорили: «Я был в деле с Мадатовым». Это было верхом геройства. О его бесстрашии, мужестве и отваге рассказывали легенды и складывали песни. За свою непродолжительную жизнь он успел сделать столько, что верится с трудом. Он купался в славе и известности.

Он был армянским князем, генерал-лейтенантом русской службы, был героем Отечественной войны 1812г, русско-турецких и русско-персидских войн, был кавалером многих самых значимых орденов, был награжден золотой шпагой и двумя золотыми шпагами, украшенными алмазами. Выходец из Карабаха, потомок карабахских меликов, генерал русской армии Валериан Григорьевич Мадатов отличился во многих боях. Настоящее имя Мадатова – Ростом. Родился он в селе Чанахчи вблизи Шуши в Карабахе. Отец его был конюхом. При поступлении в русскую гвардию Валериан взял фамилию Мадатов по девичьей фамилии матери – Мадатян. Однако специальный указ императора Павла 1 запрещал производство не дворян в офицеры. Полагают, что Павел 1 даровал 17-летнему Валериану княжеский титул, зачисляя его в гвардейский корпус.

Дело в том, что Валериан прибыл в Санкт-Петербург в 1799 г. в составе делегации армянских карабахских меликов с просьбой, чтобы православная Российская Империя взяла христианскую Армению под свою защиту от набегов мусульман. Интересы русских и армян, этих двух духовно родственных христианских народов, совпадали, враг у них был общий, общие цели. Тогда же юный Ростом подал прошение об определении его на воинскую службу. Получив обещание России оказывать своим армянским единоверцам всестороннюю поддержку, дипломатическая миссия карабахских меликов отправилась в обратный путь. Вместе с ними вернулся в Карабах и Ростом. Вскоре император Павел 1 вспомнил о статном черноволосом армянском юноше, который произвел на царя благоприятное впечатление. Узнав о прошении Мадатова, российский самодержец приказал в срочном порядке найти и доставить юношу в Петербург. Так Мадатов оказался в столице Российского государства и сразу же снискал покрови-

вительство армянского архиепископа Овсеп Аргутинского-Долгорукова и Ованеса Лазарева, в доме которых он часто бывал.

Вскоре он начинает стремительно подниматься вверх по лестнице, получает новые назначения и чины, причем исключительно благодаря своим личным деловым качествам, своему уму, мужеству, отваге. Он всегда оказывался в авангарде, совершал подвиги, о которых становилось известно высшему военному руководству. Как-то ему удается с двумя небольшими эскадронами атаковать и обратить в бегство 4-хтысячный отряд турецкой кавалерии. За его атакой наблюдал Багратион. Он был настолько потрясен, что все время повторял «Это же просто невероятно!» Именно за этот бой ему была вручена золотая шпага с надписью «За храбрость». Его эскадроны наводят ужас на турецкую армию. Несколько раз он нападает на многотысячные колонны и одерживает фантастические победы.

В ходе Отечественной войны он принимает участие в нескольких сражениях, но в самой главной – Бородинской битве, участвовать ему и его Александрийскому полку так и не довелось.

В июне 1812 г. отряд Мадатова зашел в тыл врага и нанес ему сокрушительный удар. Вместе с другими частями он окружил противника, разгромил его, захватив при этом много боеприпасов и большое число неприятельских солдат. За проявленный в сражениях героизм и личную отвагу ему присваивается чин полковника и Георгиевский крест. Надо отметить, что в русской армии не было другого полковника, имеющего столько орденов высочайшего достоинства и золотую саблю, осыпанную бриллиантами. Преследуя противника, отряд Мадатова взял в плен двух генералов, 25 офицеров, 400 солдат, захватил много оружия и провианта. 1-ого июля это стало известно всей армии, и в сентябре 1813 года ему было присвоено звание генерал-майора. На Кавказе он был правой рукой генерала Ермолова. Здесь он одиннадцать лет был правителем Ширванского, Нухинского и Карабахского ханств.

В решающем сражении в русско-персидской войне 1828 г. он обеспечивает победу русской армии, и главнокомандующий Паскевич представляет его к званию генерал-лейтенанта. Весной 1828 г. он возглавляет гусарскую дивизию и участвует в русско-турецкой войне. 2 сентября 1829 года Турция потерпела сокрушительное поражение и подписывает мирный договор, а 4 сентября прославленный генерал умирает от чахотки, которая тогда была неизлечимой. По распоряжению царя Николая I прах генерала Мадатова был перевезен в Россию и похоронен в Петербурге. Хачатур Абовян говорил о Мадатове: «Пока стоят на местах Кавказские горы, веками будут помнить и говорить о деяниях Мадатова».

Своими героическими действиями в борьбе против Наполеона отличился и Давид Артемьевич Делянов. Он был произведен в чин подполковника и награжден орденом Св.Анны 2-ой степени с алмазами и орденом Св.Анны 1 –ой степени. Кутузов особо отметил его героические действия во время Бородинского сражения. Принимая участие в сражении под Парижем, он был удостоен звания генерал-майора. В сражениях под Бородином он оказался в самом пекле. Участниками Отечественной войны

были и его братья, один из которых геройски погиб под Витебском.

Свою доблесть на Бородинском поле проявил и штабс-капитан русской армии Дмитрий Ашхарумов. Его высоко ценили Кутузов, Барклай-де-Толли, Кононицын и др. видные военачальники. Особенно он отличился во время Бородинского сражения и был награжден орденом Св.Анны 2 степени с алмазами. К этому времени он уже был полковником. Принимал участие во взятии Парижа. Все поручения он выполнял с редкой неустрашимостью, участвовал в кавалерийских атаках, находился повсюду в самых опасных местах, показывая особые примеры храбрости. За беспримерную отвагу в Бородинском сражении был награжден еще и золотой саблей «За храбрость». Дмитрий Ашхарумов был еще и военным историком. В конце декабря 1812 г. Кононицын поручил Д.Ашхарумову написать «по воле князя Кутузова» историю войны. В 1813 г. он издал интересный труд «Историческое описание войны 1812 г.» В 1819 г. книга была дополнена, переиздана и получила высокую оценку специалистов.

Участником этой войны был и Василий Бейбутов, которому был всего 21 год. Он участвовал в Бородинском сражении, за что получил орден Св. Анны 3 степени.

На Бородинском поле бились и братья Абамелики. Старший, полковник Иван Абамелек, командовал 2-ой ротой, а младший, полковник Давид Абамелик, вел за собой эскадрон гусарского полка. Его конники отличались в боях с французами.

Здесь отличился и штабс-ротмистр Павел Меликов. У него часто гостил М.Ю. Лермонтов. Но, к несчастью, у этого храброго офицера в бою оторвало руку. Он был представлен к награде Св.Владимира 4 степени. Похоронен Павел Меликов возле церкви Сурб Арутюн на Ваганьковском кладбище в Москве.

Другой участник, Зоан Фиралов, тоже отважно сражался в Отечественной войне 1812 г. Он тоже погребен в Петербурге, где на его саркофаге имеется надпись на армянском и русском языках.

Несколько слов о Манук-бее Мирзояне, который был на службе у турецкого султана Ахмед-паши. Он убедил Ахмед-пашу, что во избежание неприятностей необходимо срочно примириться с Россией после русско-турецкой войны 1806-12г., ибо даже в случае победы французов в войне с

Россией Наполеон повернет первым делом штыки против Турции. Он же внушил Ахмед-паше, что и в случае проигрыша Франция с Россией непременно поделят Турцию между собой, а чтобы не навлечь на себя новой беды, ей надо поскорее заключить мир с Россией. Видимо доводы Манук-бея Мирзояна перевесили, и Кутузов с Ахмед-пашой в Бухаресте заключили мирный договор.

Надо сказать, что и телохранители Наполеона тоже были армяне – Петрос и Рустам. Один из них, мамелюк Рустам, во время пожара Москвы просил Наполеона спасти армянскую церковь, уберечь от огня. Наполеон всегда говорил: «Рустам – мой ангел-хранитель». На многих полотнах изображалась великая фигура Рустама Унаняна.

В историю героев Отечественной войны вписаны имена Ивана Каспарова, дворянина; генерал Павел Айрапетов и его брат. Героические подвиги совершили братья Давид, Петр и Александр Абакумовы. Кутузов писал об Александре Абакумове, что он с неустрашимой храбростью атаковал полки неприятеля, нанес ему поражение и взял в плен 175 человек. За храбрость он был удостоен звания генерал-майора.

В этих сражениях смертью храбрых погиб Артемий Лазарев. В этих боях участвовал и его брат Лазарь Лазарев.

В рядах русской армии сражались и многие другие сыны армянского народа – майор Мелик Осипов; в Бородинском сражении погиб Шахназарян, своей храбростью отличились воины Вартапетян, Агампаров, Туманов, Аргутинский, Асланян и др.

Рядом с Кутузовым командовал кавказской пехотной дивизией генерал-майор Федор Ахвердов, выходец из знатного армянского рода. После войны Ахвердов был женат на грузинской княжне. Овдовев, он женился на дочери генерала Арсеньева Прасковье Николаевне, родной тетушке Михаила Лермонтова. В их семье воспитывалась будущая жена Александра Грибоедова, Нина Чавчавадзе. Из его потомков вышел Иван Ахвердов, ставший военным министром Первой Республики Армении. Но, к сожалению, судьба его сложилась трагично. Позже он был арестован по ленинградскому делу и в 1931 году расстрелян.

Очень много хлопот доставляли французской армии народные ополченцы. Их отряды повсюду нападали на отдельные части неприятеля и доставляли в лагерь великое множество пленных. Одним из этих отрядов командовал Никита Абрамов, набравший добровольцев из донских армян. За эти ощутимые удары по их тылам, за эти заслуги перед Отечеством Абрамов был пожалован в дворяне. После окончания войны Н.Абрамов занялся разведением фруктового сада, где выращивал отличные фрукты и отменный виноград. Село, в котором Н. Абрамов вырастил прекрасный сад, насчитывало около 50 поселений. Впоследствии, деревню называли Абрамовкой, в честь Н. Абрамова. Она расположена вблизи Ростова-на-Дону.

Армяне, проживавшие в Молдавии, тоже организовали большой отряд Народной милиции во главе с уже известным Манук-беем Мирзояном.

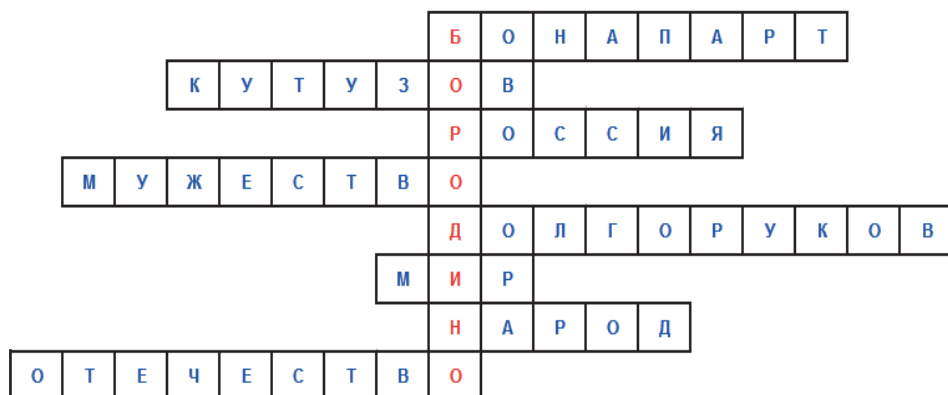
7 октября в 7 часов утра Наполеон оставил Москву вслед за армией. Он решил прорваться через хлебные места. Но Кутузов разгадал его замыслы и встретил французов огнем на смоленской дороге под Малоярославцем. Здесь хребет армии Наполеона был перебит.

6 декабря тайком от войск Наполеон Бонапарт покинул пределы России и заторопился в Париж – набирать новую армию. А 25 декабря 1812 г. Александр I издал манифест об окончании Отечественной войны.

Наполеон часто повторял фразу: «Бородинское сражение было самое прекрасное и самое грозное. Французы показали себя достойными победы, а русские заслужили быть непобедимыми».

Это сражение было самое кровопролитное из всех сражений 19 века. Оно длилось 12 часов и унесло жизни 38 тысяч русских и 58 тыс. французских солдат. Наполеон потерял в этой битве 47 генералов и десятки тысяч солдат. Но несмотря на это, ни один из противников не решил своих задач и не добился существенного преимущества: Наполеон не сумел разгромить русскую армию, Кутузов – защитить Москву.

Решение кроссворда:

Ученики читают наизусть стихотворение М.Ю. Лермонтова «Бородино».

**«ДА ЗДРАВСТВУЮТ МУЗЫ, ДА ЗДРАВСТВУЕТ РАЗУМ!»
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНАЯ КОМПОЗИЦИЯ
«ПОЭТЫ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ»**

**Л.В. МАРТИРОСЯН
ЕГЛУ им.В.Я.Брюсова**

I ведущий: «Есть звезды яркие. Их свет, пробиваясь сквозь толщу облаков, разливается по земле, освещая путь, помогая выбраться на дорогу. Есть звезды мерцающие. Они то вспыхивают ярко, то гаснут. Так и в поэзии. Все знают имена и произведения звезд первой величины - Пушкина и Лермонтова, Фета и Тютчева, Блока и Есенина. Многим знакомы имена «мерцающих» звезд пушкинской эпохи».

II ведущий: «Что касается Пушкина, - сказал Гоголь, - то он был для всех поэтов, ему современных, точно сброшенный с неба поэтический огонь, от которого, как свечки, зажглись другие самоцветные поэты». Вокруг него образовалось целое "созвездие", созвездие поэтических имен – Дельвига и Кюхельбекера, Языкова и Баратынского, Рылеева и Одоевского.

Мы включаем в пушкинское "созвездие" и более отдаленные во времени планеты его солнечной системы - Батюшкова и Жуковского.

I ведущий: «Поистине Пушкин был «Солнцем нашей поэзии», как назвал его В.Одоевский в знаменитом некрологе... Одновременно с ним на поэтическом небосклоне России сияло немало светил, образуя блистательное созвездие Северной Лиры» (С.И.Бэлза). Чуть меркнут в сиянии Пушкина эти имена - Баратынский, Вяземский, Дельвиг, Кюхельбекер... Чуть меркнут, но все-таки горят столь ярко, что свет их доходит в наши дни не только до исследователей литературы.

Все мы поем или слушаем их песни, романсы, стихи...

II ведущий: Послушаем песни и романсы на слова А.А. Дельвига (1798-1831), положенные на музыку его современниками, и пусть оживет в нашей памяти светлый образ поэта, о котором А.С.Пушкин сказал: «Никто на свете не был мне ближе Дельвига».

Музыка: (А.А. Алябьев: «Соловей»; М.И. Глинка: «Не осенний мелкий дождичек», песня «Ах, ты ночь ли ноченька...», русская песня «Что, красotka молодая», песня «Дедушка»; А.Г. Рубинштейн: «Пела пташечка»). См. журнал «Кругозор», N9, 1973 г.

Чтец:

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...

Опомнимся - но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами
было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

(А.С.Пушкин, "19 октября" 1825 г.- отрывок)

I ведущий: Вильгельм Кюхельбекер (1797-1846)

Среди лицейских товарищей Пушкина ему принадлежит особое место. Редко кто пользовался такой всеобщей любовью, как этот восторженный и

всегда суматошный чудак. Его и любили за «нелепость» поступков. Литературная судьба Кюхельбекера необычайна. Выспренный поэт, талантливый журналист, пылкий лектор, высокообразованный филолог, он мог бы занять видное место в культурном движении 20-х годов, если бы не увлекающаяся натура, заставлявшая его часто менять свои пристрастия.

Впрочем, высокому стилю поэзии он оставался верен до конца. Работа была его единственным утешением во всех бедах. Больной, полуслепой, переживший многих своих сверстников, навсегда оторванный от культурной среды, Кюхельбекер старался не сдаваться до конца, и мужество этого человека, его литературный подвиг поистине достойны уважения. Вот как в глухой сибирской ссылке встречал он памятную его сердцу лицейскую годовщину 19-го октября 1837 года:

Чтец:

А я один средь чуждых мне людей
Стою в ночи, беспомощный и хилый,
Над страшной всех надежд моих могил-
лой,
Над мрачным гробом всех моих
друзей.
В тот гроб бездонный, молнией сра-
женный,
Последний пал родимый мне поэт...
И вот опять Лицея день священный,

Но уж и Пушкина меж вами нет!
Не принесет он новых песней вам,
И с них не затрепещут перси ваши;
Не выпьет с вами он заздравной чаши:
Он воспарил к заоблачным друзьям.
Он ныне с нашим Дельвигом пирует;
Он ныне с Грибоедовым моим:
По ним, по ним душа моя тоскует;
Я жадно руки простираю к ним!

(В.К.Кюхельбекер. «19 октября 1837 года» - отрывок, 1838 г.)

Чтец: «Вакхическая песня» (1825) А.С. Пушкина.

II ведущий: «Да здравствует солнце!»

Солнце пушкинской поэзии, от творческого огня которой рождались поэты пушкинского созвездия. Поэты,веряющие нам свои сердца, доверительно рассказывающие о своих думах, порывах, мечтах. Вы услышите и мягкий, нежный шепот, и раскаты громового голоса. Можно забыть все невзгоды, слушая пламенные признания Веневитинова, пленительные романсы Дельвига и Давыдова, нежные элегии Жуковского:

Музыка.

Чтец: В.А.Жуковский. Цветок (1811).

I ведущий: Скорбная муза **В.А.Жуковского** (1783-1852) удивительно тонко проникала во внутренний мир человеческой души, не удовлетворенной действительностью и очарованной невыразимой красотой любви, надежд, воспоминаний...

II ведущий:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

(А.С. Пушкин. «К портрету Жуковского», 1818 г.)

И ведущий: Да, он звал к утешению печаль и заставлял задумываться беспечную радость. Элегический, мягкий голос Жуковского мог иной раз становиться мужественным и звучать предельно сжато, энергично и горячо.

Чтец:

Певец	Златые игры первых лет
Отчизне кубок сей, друзья!	И первых лет уроки,
Страна, где мы впервые	Что вашу прелесть заменит?
Вкусили сладость бытия,	О родина святая,
Поля, холмы родные	Какое сердце не дрожит,
Родного неба милый свет,	Тебя благословляя?
Знакомые потоки,	

И ведущий: Это строки из поэмы В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов». И написана она в страшное для России время – в первых числах октября 1812 года, «после отдачи Москвы перед сражением при Тарутино».

Воистину неизмерима цена художественного слова Певца. Во время Отечественной войны 1812 года это слово прозвучало подобно «Слову о полку Игореве», бесспорно послужившему единению и укреплению земли Русской.

И ведущий: Другой путь прокладывал русской лирике **Константин Николаевич Батюшков** (1787-1855). «Заревой песней русской поэзии XIX столетия» назвал Лев Озеров лирику Батюшкова. Путь Батюшкова к славе был усыпан анакреонтическими розами, самозабвенным пиршеством за столом знаний и искусств. Завершился этот путь мрачной полосой безумия, длившегося почти 30 лет.

И ведущий: И все-таки, несмотря на свою мрачную биографию, он сумел создать благородную, яркую и гармоничную поэзию. В его поэзии все дышит страстным упоением любви, радостной жизни, наслаждения. «Стих его часто», говоря словами Белинского, «не только слышим уху, но и виден глазу, столько в нем пластики, скульптурности».

Чтец: К.Н. Батюшков. Выздоровление (1807-1809).

И ведущий: Какая полная и самозабвенная погруженность поэта в свое чувство, какое оно, выстраданное чувство!

Чтец:

О память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной,
И часто прелестью своей
Меня в стране пленяешь дальней.

Музыка: (М.Глинка, слова К.Батюшкова «Мой гений», 1815).

И ведущий: Евгений Баратынский (1800-1844). Это поэт мысли. Пушкин о нем писал: «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит». Взволнованно вслушиваемся мы в глубокие раздумья поэта-мыслителя, постигаем его «красоту правды».

Чтец:

Все мысль да мысль! Художник бедный слова!
 О жрец ее! тебе забвенья нет;
 Всё тут, да тут и человек, и свет,
 И смерть, и жизнь, и правда без покрова.
 Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
 К ним чувственным, за грань их не ступая!
 Есть хмель ему на празднике мирском!
 Но пред тобой, как пред нагим мечом,
 Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная.

(«Все мысль да мысль! Художник бедный слова!..» - 1840)

II ведущий: Особой популярностью пользовался среди современников романс М.И.Глинки «Разуверение», написанный на слова Е.Баратынского.

Романс «Разуверение» (музыка М.И. Глинки, слова Е.Баратынского, 1821).

II ведущий: «Каждая фраза, каждая интонация мелодии Глинки покояюще естественна и тепла. Будто слушаешь мягкую, душевную речь человека, говорящего с тобою о печали расставания, об ошибках, которых не минуешь на жизненном пути» (В.П. Россихина).

Музыка: (гитара).

I ведущий: Небольшой лифляндский городок на покатых приречных холмах. Городок невелик, но славится он своим почтенным старинным университетом, где преподают степенные немецкие профессора степенную немецкую филологию, математику и медицину. И название у города немецкое - Дерпт.

И славится этот городок шумным студенчеством, дружескими собраниями, где звенит гитара, льются хорошие песни, идут жаркие споры о политике, об искусстве и, конечно, не обходится без застольных тостов за стаканом крепкого пунша. Душой этих приятельских собраний «землячества» становится 20-летний студент **Николай Языков** (1803-1846).

Музыка: (гитара), танец цыганский.

Чтецы (сценка):

- Помнишь ли, мой друг застольный,	В честь Воейковой потом
Как в лесу, порою тьмы,	Пили, били мы бутылки
Праздник молодости вольной	У пруда, перед костром?..
Вместе праздновали мы?.	- Помнишь ты? Ну, то ль бывало
- Помнишь ли, как нежно-пылки,	Прежде, в наши времена!

(Н.М.Языков. «К А. Н.Вульф» - отрывок, апрель 1828 г.)

Музыка: (М.И.Глинка, слова А.С. Пушкина «Заздравный кубок»-1816 г.).

II ведущий: Друзья безудержно хвалят 20-летнего поэта и предсказывают ему блестящую будущность. И действительно, поэзия Языкова, «поэзия душевного раздумья», полная юношеского задора, «избытка сил», буйства и хмеля, произвела глубокое впечатление на его современников. «Неподдельная природа» оригинального дарования Языкова с особенной ясностью сказалась в его студенческих песнях и любовных стихотворениях.

Чтец: Н.М.Языков. Перстень (1831).

I ведущий: В Дерпте Языков прожил около 7 лет (1822-1829) - лучшую пору своей творческой молодости. Отсюда в 1826 году ездил он в село Михайловское, к опальному Пушкину.

II ведущий: Шли годы, все дальше и дальше уносили они в прошлое память о прежнем свободолюбии, о счастливых днях беспечной юности. Грустным туманом предрассветных сумерек затянуты отныне дни певца юности, дружбы и свободы. Быть может, лучшим памятником этому своеобразному поэту останутся две прославившие его песни, подаренные им народу: «Из страны, страны далекой» (1827) и «Пловец» (1829).

Чтец:

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

II ведущий:

Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней.

I ведущий:

Язвительный поэт, остряк замысловатый,
И блеском колких слов, и шутками богатый,
Счастливый Вяземский, завидую тебе.

Так обратился А.С.Пушкин к своему близкому другу и во многом единомышленнику - **Петру Андреевичу Вяземскому** (1792-1878). Пушкин ценил его за неизменную дружбу, острый, проникновенный ум, неустанную крепость духа, боевой темперамент критика и полемиста. Вяземский любил родной русский язык и неизменно пробовал себя в разных жанрах. Были у него несомненные удачи и в лирическом роде.

Чтец: П.А.Вяземский. Простоволосая головка (1828).

II ведущий:

Душа сказала мне давно:
Ты в мире молнией промчишься!
Тебе все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

I ведущий: Эти пророческие строки принадлежат **Дмитрию Веневитинову** (1805-1827), талантливому поэту, критику, художнику, музыканту.

А.И.Герцен отзывался о нем как о «правдивой» поэтической душе, сломленной в свои 22 года грубыми руками русской действительности, поэте, «убитом обществом».

II ведущий: «Это была прекрасная утренняя заря, предрекавшая прекрасный день».

Чтец: Д.В. Веневитинов. Я чувствую, во мне горит... (1826-1827)

I ведущий: Юный Веневитинов был покорен «царицей муз и красоты» - Зинаидой Волконской. Молодой поэт посвятил ей стихотворения большой лирической силы.

Чтец:

Волшебница! Как сладко пела ты
 Про дивную страну очарованья,
 Про жаркую отчизну красоты!
 Как я любил твои воспоминанья,
 Как жадно я внимал словам твоим
 И как мечтал о крае неизвестном!
 Ты упиалась сим воздухом чудесным,
 И речь твою так страстно дышит им!
 На цвет небес ты долго нагляделась
 И цвет небес в очах нам принесла.
 Душа твоя так ясно разгорелась,
 И новый огонь в груди моей зажгла.
 Но этот огонь томительный, мятежны

Он не горит любовью тихой,
 нежной,-

Нет! он и жжет, и мучит, и
 мертвит,

Волнуется изменчивым желаньем,
 То стихнет вдруг, то бурно закипит,
 И сердце вновь пробудится
 страданьем.

Зачем, зачем так сладко пела ты?
 Зачем и я внимал тебе так жадно
 И с уст твоих, певица красоты,
 Пил яд мечты и страсти безотрад-
 ной?

(Д.В.Веневитинов, «Элегия»,
 1826-1827)

Музыка: (вальсирующая пара)

II ведущий: «В горький час прощанья» Волконская подарила ему перстень, найденный при раскопках Помпеи в 1706 г. Поэт прикрепил его к часам в виде брелока, решив надеть на палец только при женитьбе или перед смертью.

Чтец:

Когда же я в час смерти буду
 Прощаться с тем, что здесь люблю,
 Тебя в прощанье не забуду:
 Тогда я друга умолю,
 Чтоб он с моей руки холодной
 Тебя, мой перстень, не снимал,
 Чтоб нас и гроб не разлучал.
 И просьба будет не бесплодна:
 Он подтвердит обет мне свой
 Словами клятвы роковой.
 Века промчатся, и быть может,

Что кто-нибудь мой прах встрево-
 жит

И в нем тебя откроет вновь;
 И снова робкая любовь
 Тебе прошепчет суеверно
 Слова мучительных страстей,
 И вновь ты другом будешь ей,
 Как был и мне, мой перстень
 верный.

(Д.В.Веневитинов. «К моему пер-
 стню», 1826-1827)

I ведущий: Эти слова подтвердились через сто с лишним лет, в 1930 г., когда могила Веневитинова была перенесена на Новодевичье кладбище. При эксгумации праха перстень был снят с пальца поэта и в настоящее время находится в Государственном литературном музее.

Музыка: (М.Глинка. Слова А.С. Пушкина «Я помню чудное мгнове-
 нье...»)

II ведущий: В Русском музее, в Санкт-Петербурге, висит портрет гусара-удальца, написанный пленительной романтической кистью Ореста Кипренского. Это портрет прославленного поэта-партизана **Дениса Давыдова** (1784-1839).

Человек независимой и широкой души, воинской отваги и кипучего поэтического дарования, Денис Давыдов вызывал всеобщее восхищение и любовь у своих современников и друзей.

І ведущий:

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров,
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов.

С веселых струн во дни покоя,
Походную сдувая пыль,
Ты славил, музу перестроя,
Любовь и мирную бутылъ, —
писал А.С.Пушкин в стихотворении
«Денису Давыдову» (1821).

ІІ ведущий: Прямодушная и горячая натура Давыдова целиком воплотилась в поэтическом слове, метком и темпераментном. Здесь Давыдов не жалел ни острых слов, ни грубоватых выражений:

Чтец: Д.В.Давыдов. Неверной (1817).

І ведущий: Гусарская размашистая удаль в дружеском кругу с чашей пылающего пунша и цыганским хором, быть может, и не стоила бы поэтического вдохновения, если бы не соединялась она у Давыдова с готовностью ринуться в бой за Родину.

Музыка: («Гусарская баллада»)

Чтец:

Я не поэт, я партизан, казак.
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком,
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед Кастальским током
Мой независимый бивак.
Нет, не наезднику пристало
Петь, в креслах развалиясь, лень, негу и покой...
Пусть грянет Русь военною грозой, -
Я в этой песни запевало!
(Д.В.Давыдов. «Ответ», 1826)

Музыка:

Чтец:

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, не способен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век молодой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.

І ведущий: Эти строки принадлежат **Кондратию Федоровичу Рылееву** (1795-1826), поэту-гражданину, певцу свободы и врагу самовластья. «Он не мог не быть на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, как не могли не быть при Бородине поэты-патриоты - его предшественники».

II ведущий: «Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтоб разбудить к новой жизни молодое поколение... Да, это были люди!» (А.И.Герцен)

Чтец:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

(А.С. Пушкин. «Во глубине сибирских руд...» - отрывок, 1827)

Чтец: (с противоположного конца зала):

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
И лишь оковы обрели.
Но будь покоен, бард! - цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы

В душе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

(А.И.Одоевский. «Ответ А.С. Пушкину» - отрывок, 1828-1829)

Музыка: (Д.Шостакович. Слова А.С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Галкин Сергей. В душе читающего жарко //«Литературная газета», 17-23 октября 2012 г. № 41 (6388).
2. Поэты пушкинского круга. М., 1983.
3. Поэты пушкинской поры. Антология. М. 1972.
4. Поэты пушкинской эпохи. 16 открыток. Художник Ю.Иванов. Автор вступительной статьи. С.И. Бэлза. М., 1986.
5. Рождественский Всеволод. В созвездии Пушкина. Книга о русских поэтах. М., 1972.
6. Россихина В.П. Рассказы о русских композиторах. М., 1971.
7. Русская лирика XIX века. М. 1987.

ХРОНИКА

ЕРЕВАН ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ «РУССКИЙ ЯЗЫК МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ»

Л.Б. БАЛАСАНЯН
АГПУ им.Х.Абовяна

30 мая в Центре коллективного доступа к российским информационным образовательным ресурсам Представительства Россотрудничества в Армении была организована международная интернет-конференция «Русский язык между Европой и Азией».

Основной площадкой проведения конференции стал город Пермь, в котором собралось около 200 человек из более 20-ти стран, в целом к конференции подключены 60 площадок Россотрудничества в российских центрах науки и культуры практически во всех странах Европы и Азии.

На ереванской площадке присутствовали заместители руководителя Представительства Россотрудничества в Армении и учителя-русисты.

Основной целью телемоста была консолидация отечественной и зарубежной общественности по сохранению и распространению русского языка как языка международного общения на евразийском пространстве.

Открыл видео-конференцию член Совета Федерации, председатель правления Европейского клуба, координатор «Евразийского диалога» Андрей Климов. В адрес гостей и участников конференции направил приветствие Президент России Владимир Путин. Текст приветствия огласил руководитель Россотрудничества Константин Косачев.

В своем выступлении на открытии конференции К.Косачев отметил: «Судьба русского языка, наверное, как никакого другого языка в истории XX века, связана, прежде всего, с крупнейшими политическими событиями столетия. Революция 1917 года и последующее образование СССР, формирование послевоенного «социалистического лагеря», затем распад Советского Союза, наконец, новейшие планы по реинтеграции постсоветского пространства – все это напрямую, когда положительно, когда отрицательно, сказывалось и сказывается на судьбах русского языка в Евразии и во всем мире.

Объективная ситуация показала, что русский язык оказался весьма важным и просто удобным для межнационального общения большинства постсоветских государств. И дело даже не только в том, что русский утвержден

в качестве рабочего языка в деятельности СНГ. На русском говорят в семьях, на работе и на улице.

Нюансы жизни в общей «империи» постепенно забываются, а вот объективная культурная реальность в виде языка осталась, пусть и в более ограниченных масштабах».

Представитель от Армении в Перми, президент Армянской ассоциации учителей русского языка, главный специалист управления школ Министерства образования и науки Республики Армения, кандидат педагогических наук, доцент Л. Г. Баласанян сказала, что в Армении с русским языком дела обстоят хорошо, но все же существуют определенные проблемы.

Она отметила, что в Армении порядка 5 тысяч русистов, влюбленных в русский язык, уважающих русскую культуру и литературу, много знающих о России, но они нуждаются в профессиональной помощи и внимании со стороны Москвы, в частности, было сказано об организации переподготовки и повышении квалификации русистов в стране преподаваемого ими языка.

Проведение конференции приурочено к двум знаменательным датам: Дню славянской письменности и культуры (24 мая) и Дню русского языка (6 июня).

Организаторы - «Евразийский диалог» при российском парламентском Европейском клубе Россотрудничество, фонд «Русский мир», Союз писателей России, Правительство Пермского края.

В работе конференции через систему Интернет приняли участие представители общественности, политики, деятели культуры, журналисты, эксперты. Общее число очных и заочных участников Конференции – около двух тысяч человек практически во всех государствах Европы и Азии.

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ «РУССКИЙ ЯЗЫК МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ»

30-31 мая 2013 г. в городе Перми (Россия) состоялась большая международная интернет-конференция «Русский язык между Европой и Азией» (далее Конференция). Конференция была проведена по инициативе «Евразийского диалога» при российском парламентском Европейском клубе при поддержке федерального агентства «Россотрудничество», правительства Пермского края, с участием фонда «Русский мир», Российского книжного союза и Союза писателей России.

С приветствиями в адрес участников Конференции обратились Президент России В.В. Путин, Председатель Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко, Председатель Государственной Думы С.Е. Нарышкин, Генеральный директор ЮНЕСКО И.Бокова, депутат Европарламента, первый европейский космонавт В.Ремек, экипаж Международной космической станции МКС-36.

При помощи Интернет в Конференции приняли участие не только те, кто собрался в Перми, у географической границы Европы и Азии, но и эксперты, находящиеся во Владивостоке, Москве, Калининграде, центрах российской науки и культуры в странах Европы и Азии, ряде других зарубежных площадок. Всего два дня дискуссий объединило около двух тысяч участников, которые, работая на пленарных и секционных заседаниях, обсудили различные аспекты русского как языка международного общения. Из них только в Перми в рамках майского форума работало более трехсот человек.

В период подготовки Конференции силами ее организаторов были проведены подготовительные мероприятия в формате круглых столов и рабочих встреч, которые прошли с 3 декабря 2012 г. по 23 мая 2013 г. в Москве, Санкт-Петербурге, Пекине, Владивостоке, Брюсселе, Киеве, Йоханнесбурге, Ханое, Калининграде. В этих встречах приняли участие более ста русистов, русскоговорящих общественных деятелей многих европейских и азиатских государств, российские парламентарии и их коллеги из Европейского парламента, парламентов стран Азии.

Особое значение имел круглый стол с участием преподавателей, аспирантов и студентов Российского университета дружбы народов (Москва, 16.04.2013), где обсуждались перспективы русского как языка международного общения в XXI веке. Материалы данной дискуссии опубликованы в отдельном издании.

Непосредственно в Перми побывали свыше двухсот человек различных национальностей, возрастов, вероисповеданий, профессий, жизненного опыта из более двадцати государств. Всех их объединило знание русского языка, его постоянное использование в учебе, работе, жизни.

Политики, писатели, космонавты, ученые, общественные деятели, журналисты, переводчики, деятели искусства и культуры, аспиранты и студенты – были едины в том, что русский по праву занимает заметное место среди мировых языков, является неотъемлемой частью мировой культуры, имеет несомненный потенциал в семье языков международного общения в XXI веке.

Здесь же в Перми состоялась крупная международная книжная ярмарка русскоязычных изданий, прошли встречи писателей и журналистов с читателями, состоялись презентации новых книг.

Особое внимание было уделено сборнику статей участников Конференции, подготовленному «Евразийским диалогом» («Русский язык между Европой и Азией», М., 2013). Среди его авторов – председатель Государственной Думы Российской Федерации С.Е. Нарышкин, глава «Россотрудничества» К.И. Косачев, губернатор Пермского края В.Ф. Басаргин, заместитель Председателя Совета Федерации И.М.-С. Умаханов, представители обществственности и эксперты из стран Европы и Азии (опубликован на сайте www.pitfond.ru).

Конференция проходила в знаменательное время – вскоре после празднования Дня славянской культуры и письменности, накануне Дня русского языка, приуроченного в России к дню рождения А.С. Пушкина. С учетом этого, до официальной церемонии открытия Конференции ее участники возложили цветы к памятнику Пушкину, признанному основателю современного русского литературного языка. Там же, в сквере у памятника великому поэту, его последний прямой потомок по мужской линии, подданный Бельгии А.А. Пушкин, посадил дерево в память о знаменательном событии.

Специальные мероприятия, связанные с Днем русского языка, состоялись в этот период практически во всех зарубежных центрах российской науки и культуры.

Никогда ранее в мире одновременно, в ходе одного мероприятия, на русском и о русском языке не общалось такое количество людей, как в момент проведения этой трансконтинентальной Конференции. Всего в рамках пермского форума состоялись две пленарные дискуссии (они полностью транслировались в Интернете на официальном сайте форума – www.forum-rus.ru) и 20 секционных дискуссий.

Предварительные итоги Конференции по согласованию с ее участниками зафиксированы в данном официальном сообщении.

Участники Конференции:

- Тепло встретили приветствия и поздравления, адресованные участникам Конференции.
- Проанализировали состояние русского языка на огромном евразийском пространстве от Рейкьявика до Джакарты, рассмотрели проблемы сохранения и распространения русского языка в общении между народами евразийских государств от Атлантики до Тихого океана.
- Констатировали, что русский язык давно и по праву является одним из мировых языков. Русский – один из шести официальных языков ООН, официальный язык многих международных организаций, действующих на евразийском пространстве. Это государственный язык самого крупного европейского государства – Российской Федерации, где он был и остается основным языком межнационального общения.
- Подчеркнули роль и значение русского языка в сфере культуры, науки, образования. Язык Пушкина и Л.Толстого, Достоевского и Чайковского, Чехова и Станиславского, первый прозвучавший в космосе язык и второй по частоте использования в Интернет – все это русский язык.
- Отметим, что, несмотря на перипетии истории XX века, русский язык в XXI столетии остается носителем великой русской культуры и общим языком для миллионов российских соотечественников по всему миру. Это еще и признанный язык международного общения для сотен миллионов человек на всех континентах Земли.

- Были единодушны в том, что русский язык навсегда стал общим достоянием человечества. Он не является собственностью какого-то одного государства и не должен быть заложником чьих-либо политических или идеологических предпочтений. Являясь нашим общим достоянием, русский язык нуждается в объединении усилий по сохранению и развитию русофонии не только со стороны российского государства и его граждан. Вместе с тем именно Российская Федерация, органы ее государственной власти, общественные организации, ее граждане должны быть главной движущей силой в процессе продвижения русского языка в мире, подавать пример бережного отношения к русскому языку, его сохранения и развития.

- Выразили обеспокоенность попытками ряда политических и общественных деятелей в некоторых странах Европы и Азии устанавливать искусственные административные преграды на пути сохранения и распространения русского языка, в первую очередь в среде русскоязычного населения этих стран.

- Приветствовали усилия общественности стран Европейского союза по приданию русскому языку статуса одного из официальных языков ЕС.

- Поддержали стремление общественных организаций, действующих в странах Европы и Азии, распространять в этих странах русский в качестве языка международного общения. Последнее важно не только с точки зрения взаимного культурного обогащения, но и способствует развитию политических, торгово-экономических связей, научно-технического сотрудничества, туризма, спорта и т.д.

- Обсудили возможность расширения международного движения русофонии на всем большом евразийском пространстве.

- Обратили внимание на существование больших резервов в деле распространения русского языка за рубежами России, в том числе на необходимость расширения сферы преподавания не только самого русского языка, но и на русском языке. Последнее важно, в том числе, для освоения российских технологий в таких, например, сферах, как ядерная энергетика, космонавтика, программирование и т.д., а также для работы иностранцев на территории Российской Федерации и стран Евразийского таможенного союза.

- Пришли к выводу о необходимости крепить и расширять прямые связи между русскоязычными гражданами стран Евразийского материка, в первую очередь – молодежи.

- Признали необходимость расширения практики использования Интернет и других современных коммуникационных систем в распространении русского языка, в том числе для прямого общения на русском языке между гражданами различных государств Европы и Азии.

- Согласились с тем, что российские средства массовой информации должны служить примером бережного отношения к русскому языку.

- Поддержали практику продвижения за рубежом книг, периодических изданий, кинофильмов, телевизионных и радиопередач на русском языке.
- Одобрили усилия Россотрудничества по привлечению на подобные конференции представителей молодого поколения.
- Сделали акцент на необходимость поддержания русского языка в молодежной среде, расширения международных молодежных контактов с использованием русского языка.
- Рекомендовали более активно проводить региональные конференции по русскому языку как в Европе, так и в Азии. В этой связи обратили внимание на предложение провести в 2014 г. одну из таких конференций в Юго-Восточной Азии (на базе РЦНК в Ханое). Говорилось также о принципиальной возможности организации подобных региональных форумов на Ближнем Востоке, в странах Средиземноморья и на Балканах, в Восточной Европе и странах Балтийского региона, в Центральной Азии и т.д.
- Выразили уверенность, что опыт использования Интернет в проведении майской Конференции, а также последующих за ней региональных конференций будет способствовать продвижению русского языка во всем мире. Особо важным шагом на этом пути могла бы стать в обозримом будущем всемирная интернет-конференция под условным названием «РУССКИЙ ЯЗЫК БЕЗ ГРАНИЦ».
- Предложили «Евразийскому диалогу» во взаимодействии с Россотрудничеством обобщить и внимательно проанализировать замечания и предложения, высказанные участниками пермской Конференции в рамках пленарных заседаний и секционных дискуссий, прошедших 30-31 мая 2013 г., в том числе и на удаленных площадках в странах Европы и Азии. Сформировать на данной основе сводные рекомендации по результатам Конференции и опубликовать их на соответствующих сайтах.
- Высказали общую признательность организаторам майской Конференции, активистам «Евразийского диалога», работникам Россотрудничества, властям и общественности Пермского края – всем, кто участвовал в подготовке и проведении этого большого и очень важного форума.

Город Пермь, 31 мая 2013 г.